

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

№ 4 (9) 2025

Журнал основан в 2023 году. Издается один раз в три месяца.

Периодическое печатное издание (журнал): «Право и государственность».

Учредитель: Шайхуллин Марат Селирович.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-86059 от 13.10.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Издатель: Шайхуллин Марат Селирович, адрес издателя: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Журнал издается при поддержке научно-издательской группы «ЮРКОМПАНИ».

Адрес типографии: 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ООО МедиаПринт, ул. 50 лет Октября, д. 20, тел.: +7 (347) 216-34-45, веб-сайт: <https://mdprint.ru>.

Дата выхода в свет: 25.12.2025. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 5.04. Тираж 100 экз. Свободная цена.

E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** +7-903-31-25-790. **Веб-сайт:** <https://lawstate-journal.ru>.

Журнал размещается в открытом доступе в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 10-01/2024.

Журнал индексируется в РИНЦ.

Подписной индекс издания 015490. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru.

LAW AND STATEHOOD

№ 4 (9) 2025

The magazine was founded in 2023. It is published once every three months.

Periodical print publication (magazine): «Law and Statehood»

Founder: Shaikhullin Marat Selirovich.

Registration body: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: PI №. FS77-86059 of 13.10.2023.

Address of the publisher and editorial office: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

Publisher: Shaikhullin Marat Selirovich, publisher address: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

The journal is published with the support of research and publishing group «YURKOMPANI».

Printing house address: 450005, Ufa, Russian Federation, ООО МедиаПринт, st. 50 years of October, 20, tel.: +7 (347) 216-34-45, website: <https://mdprint.ru>.

Release date: 25.12.2025. 62x84 1/8 format. Cond. pech. l. 5.04. Circulation of 100 copies. Free price.

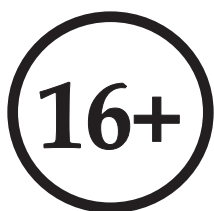
E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** + 7-903-31-25-790. **Website:** <https://lawstate-journal.ru>.

The journal is publicly available in the Scientific Electronic Library of elibrary.ru under contract № 10-01/2024

The journal is indexed in the RSCI.

Subscription index 015490. Placement in electronic subscription catalogue

GC «Ural-Press» - on the website www.ural-press.ru.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала. При использовании материалов, содержащихся в журнале, вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на статьи и иные материалы, опубликованные в данном издании.

All rights reserved and protected by the copyright law of the Russian Federation. References to this edition are mandatory. The point of view of the authors of the materials published in the journal may not coincide with the point of view of the Editorial Board and the Editorial Board of the journal. When using the materials contained in the journal, you must provide an appropriate indication of authorship, provide a link to articles and other materials published in this edition.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии.

Члены редакционного совета

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Блинов Александр Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Малый Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Казань);

Михеева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Йошкар-Ола);

Мохов Александр Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Петров Дмитрий Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Покачалова Елена Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Туманов Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Филиппов Петр Мартынович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации;

Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Шапиро Людмила Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Саратов);

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, адвокат, главный редактор журнала «Право и государственность».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель отдела научных публикаций;

Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь;

Герасимов Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии;

Грудцына Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Колесников Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии;

Киреев Валерий Витальевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета;

Колесников Андрей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии;

Мионов Ринат Гаянович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академия ВЭГУ);

Миннигулова Динара Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;

Остапович Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;

Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета;

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России;

Королёв Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Саратовского филиала ИГП РАН;

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН;

Нырков Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии;

Сергеенко Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии;

Высоцкая Нателла Валерьевна – литературный редактор.

LAW AND STATEHOOD

Scientific and legal journal

EDITORIAL COUNCIL

Chairman

Sokolov Alexander Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy.

Editorial Board Members

Belousov Sergey Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Blinov Alexander Georgievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Kozhevnikov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg);

Levushkin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University) (Moscow);

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Maly Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kazan);

Mikheeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Mari State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Yoshkar-Ola);

Mokhov Alexander Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Medical Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow);

Petrov Dmitry Evgenievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Pokachalova Elena Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Tumanov Sergey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State History and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Filippov Petr Martynovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Channov Sergey Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Shapiro Lyudmila Gennadievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saratov);

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawyer, editor-in-chief of the journal “Law and Statehood”.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor.

Editorial Board Members

Stankin Alexey Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Scientific Publications;

Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Executive Secretary;

Gerasimov Alexander Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy;

Grudtsyna Lyudmila Yurievna – Doctor of Law, Professor, Lawyer, Professor of the Department of Civil Law

Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

Kolesnikov Evgeny Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy;

Kireev Valery Vitalievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Legal Disciplines of Chelyabinsk State University;

Kolesnikov Andrey Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy;

Mironov Rinat Gayanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy (WESU Academy);

Minnigulova Dinara Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Process of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ostapovich Igor Yuryevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;

Khabibullina Gulnara Rushanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University;

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Korolev Stanislav Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Lakaev Oleg Anatolyevich – Candidate of Law, Senior Researcher of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Nyrkov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy;

Sergeenko Yulia Sergeevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy;

Vysotskaya Natella Valerievna – literary editor.

Содержание

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Шайхуллин М.С.

Традиции в механизме социального действия права 8

Самигуллин В.К.

Современное состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел (опыт общетеоретического осмысления)14

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Колесников Е.В.

Законность как конституционная категория 22

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Боярский Р.Н.

К вопросу о содержании понятия «персональные данные» в контексте их административно-правовой защиты в Российской Федерации 26

Махсунов М.Р.

Нормативное регулирование дисциплинарных взысканий в советский и современный периоды развития института государственной службы 31

Никитин К.А.

Административная ответственность как средство обеспечения законности в сфере публичных закупок 36

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Сафутдинова Л.А.

Разграничение «соседского права» и сервитута: пределы осуществления права собственности и ограниченные вещные права 42

Хазиева Г.Б., Тутукова А.Б.

Особенности наследования прав на учетные записи (аккаунты) 46

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Леонтьева Д.Д.

Категоризация преступлений и ее уголовно-правовое значение 53

Карагодина В.И.

Отмывание денег через электронные платежные системы 58

Шевелева С.С.

Сбалансированная цифровизация уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков 61

Хасанова З.И.

Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в некоторых зарубежных странах 65

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ70

THEORY OF STATE AND LAW

Shaikhullin M.S.

Traditions in the mechanism of social action law 8

Samigullin V.K.

The current state of official discipline and legality in the internal affairs bodies (experience of general theoretical comprehension) 14

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

Kolesnikov E.V.

Legality as a constitutional category 22

ADMINISTRATIVE LAW

Boyarsky R.N.

On the content of the concept of «personal data» in the context of its administrative-legal protection in the Russian Federation 26

Makhsunov M.R.

Regulatory Framework for Disciplinary Actions in the Soviet and Modern Periods of Civil Service Development 31

Nikitin K.A.

Administrative responsibility as a means of ensuring legality in the field of public procurement 36

CIVIL LAW

Safutdinova L.A.

Distinction between «neighborhood law» and easement: limits on the exercise of property rights and limited property rights 42

Khazieva G.B., Tutukova A.B.

Features of inheritance of rights to accounts (accounts) 46

CRIMINAL LAW SCIENCES

Leontyeva D.D.

Categorization of crimes and its criminal law significance 53

Karagodina V.I.

Money laundering through electronic payment systems 58

Sheveleva S.S.

Balanced digitalization of criminal legal proceedings: eligibility criteria and minimizing latent risks 61

Khasanova Z.I.

Criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens in some foreign countries 65

INFORMATION FOR AUTHORS 70

Традиции в механизме социального действия права

М.С. Шайхуллин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

selir07@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются научные позиции по вопросу об определении понятия традиции. Для наиболее полного уточнения понятия традиции изложены существующие в юридической литературе научные точки зрения на эту категорию как социальную норму в механизме действия права. Показаны качественные свойства традиций в механизме действия права. Анализ дореволюционных источников и научных трудов советского периода, посвященных проблематике действия социальных норм показывает, что традиция определялась как феномен социально-правового порядка, правило поведения отражающее бытие и сознание человека, явление образующее право, а с позиции права – социальная норма в правовом механизме регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: традиция, право, обычай, социальная норма, механизм, действие права.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. Традиции в механизме социального действия права // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 8–13.

Original article

Traditions in the mechanism of social action law

M.S. Shaikhullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

selir07@mail.ru

Abstract. The article analyzes scientific positions on the definition of the concept of tradition. For the most complete clarification of the concept of tradition, the scientific points of view existing in the legal literature on tradition as a social norm in the mechanism of law are presented. The qualitative properties of traditions in the mechanism of law action are shown. An analysis of pre-revolutionary sources and scientific works of the Soviet period devoted to the problems of the operation of social norms shows that tradition was defined as a phenomenon of the socio-legal order, a rule of conduct reflecting being and human consciousness, a phenomenon that forms law, and from the standpoint of law, a social norm in the legal mechanism for regulating social relations.

Keywords: tradition, law, custom, social norm, mechanism, operation of law.

For citation: Shaikhullin M.S. Traditions in the mechanism of social action law // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 8–13.

Значение традиций в системе регулирования общественных отношений, а также в механизме действия права не раз было предметом научных исследований, проводимых в дореволюционной юридической науке России (Алексеев С.Г., Безобразов В.П., Васильчиков А.И., Витте С.Ю., Васильев А.В., Градовский А.Д., Ковалевский М.М., Петражицкий Л.И. и др.). Интересны исследования В.Н. Тенишева, описывающие социальное регулирование в русских об-

щинах с позиции обычного правосудия на селе [1]. В советский период, традиции и обычаи подверглись еще более глубоким исследованиям. В открытой печати появились научные статьи, издано значительное количество монографических работ, а также защищены диссертации по данной тематике [2,3].

Анализ дореволюционных источников и научных трудов советского периода, посвященных проблематике действия соци-

альных норм показывает, что традиция определялась как феномен социально-правового порядка, правило поведения отражающее бытие и сознание человека, явление образующее право, а также социальная норма в правовом механизме регулирования общественных отношений.

В основном традиция как социальная норма подробно рассмотрена в научных трудах по теории государства и права, истории политических и правовых учений. Традиция как моонормативный регулятор рассматривалась и в других отраслях российского права. С чем связано внимание к традициям с позиции механизма действия права?

По мнению ученых, традиции следует связывать с признаком историзма, поскольку они в совокупности с другими нормами и явлениями способны оказывать определенное влияние на форму государства [4, с. 54]. При этом регулятивные свойства традиций, связывают в некоторых случаях с правом, политическими нормами, нормами морали. Между тем традиционное право следует отличать от собственно традиций или норм-традиций, когда они составляют культурологические и исторические особенности, сложившихся правил поведения в быту и публичной деятельности, поскольку традиционное право многоаспектно в цивилизационном формате регулирования общественных отношений и установившихся правил социального порядка. В свою очередь традиция локализуется посредством установления на определенной территории исторически сложившихся форм общественного регулирования. С этой позиции, местные традиции следует связывать с населением, проживающим на определенной территории.

Актуальность и значимость изучения традиций в механизме социального действия права, обусловлено необходимостью поиска сбалансированного и эффективного регулирования общественных отношений в многонациональном государстве.

Во-первых, общественные отношения нецелесообразно регулировать исключительно положениями текущего законодательства, поскольку могут возникнуть риски появления социальных конфликтогенов,

обусловленных необходимостью тех или иных народов сохранять традиционный образ жизни, во-вторых, традиции и обычаи имеют свойство сохранять культурную идентичность народов, что необходимо для стабилизации общественных связей в период усиления глобальных процессов, в-третьих, традиции позволяют сохранить те социальные формы самоорганизации и коммуникации, которые в случаях их упразднения могут быть заменены формально определенными предписаниями, что создает поле для возникновения правовых последствий, в-четвертых, обычаи делового оборота, если на них смотреть с позиции традиций, позволяют сохранить те правила заключения соглашений, к которым на протяжении длительного времени привыкли субъекты гражданских правоотношений, в-пятых, новые традиции позволяют заполнить пространства, которые еще не подверглись правовому воздействию или правовому регулированию, в-шестых, традиции имеют существенное значение в деле сплочения трудовых коллективов, передачи навыков, умений и знаний младшему поколению, в-седьмых, там, где правовое воздействие может иметь «обратный эффект», целесообразно использовать традиционные способы урегулирования социальных конфликтов.

Между тем ученые отмечают, что в России еще не сложилась традиция законопослушания [4, с. 152], что обусловлено различными причинами: слабым знанием законов, недостаточным уровнем правовой культуры и правосознания, дефицитом материальных и финансовых средств, необходимых для проведения широкомасштабных мероприятий по работе с детьми и молодежью, что необходимо для формирования правомерного и правопослушного поведения.

Динамика правового регулирования с позиции возрастания роли негативных санкций не во всех случаях имеет «позитивный эффект», поскольку такие санкции должны иметь цель – реализации предупредительной, правовосстановительной и иной функций права, а не становиться основой для пополнения казны и бюджета.

В этом смысле следует согласиться

с тем, что изучение правовой традиции в менталитете массы российского населения, не столь давно вышедшего из крестьянского социума, позволяет понять многие противоречия в развитии современного общества и государства [5, с. 18]. Преодоление таких противоречий только посредством применения законоположений не учитывает различные стороны социальной действительности. Обращение к традициям и обычаям формирует такой культурологический пласт правового сознания граждан, при котором происходит положительная оценка самых лучших практик социальной организации общества. Во многом такой подход определяет дальнейшие стороны стабилизации общественного сознания, формирует позитивное отношение к принимаемым управленческим решениям, построенным на принципах справедливости, демократизма, гуманизма, законности.

В статье 131 Конституции Российской Федерации закреплен принцип учета исторических и иных местных традиций при определении территорий муниципальных образований. При определении и разграничении исторических и иных местных традиций необходимо учитывать то обстоятельство, что в широком смысле историческую традицию следует рассматривать как социальную норму, устоявшуюся во времени. В ее узком значении историческая традиция представляет собой набор социальных норм местных сообществ – правил поведения, условий коммуникации, которые передавались из поколения в поколение. Такие нормы сохранились в результате эффекта «социальной полезности», преодолевшего различные этапы изменений в общественном и государственном устройстве. Множество культурных традиций и обычаев, преодолевая запреты правового характера, трансформацию институтов политической системы общества, дошли до наших дней. Между тем частые изменения, вносимые в закон о местном самоуправлении, а теперь еще и переход на модель муниципальных округов, вызваны не столько потребностями многонационального состава российского населения, сколько политическим и административным контролем за деятельностью орга-

нов местной власти. Причем законодатель не очень считается с тем, что в процессе осуществления государственных функций на местном уровне важно учитывать хрупкие общественные связи, традиции, сформировавшиеся годами, разрушение которых может привести к стагнации социальных принципов.

Существуют разнообразные точки зрения на понятие «традиция» как социально-правовую категорию. В частности, традиция проявляет собой как специфический закон общественного развития [2, с. 91]. Одни считают, что традиции преследует цель передачи якобы строго определенных качеств, является элементом культуры, преследует цель передачи духовных ценностей [6, с. 156], другие, что это процесс воспроизводства морально-политических качеств, норма, принцип поведения [7, с. 227], стереотипный способ человеческой деятельности, механизм передачи трудовых навыков, форма воспроизводства социальных отношений, передачи культуры [8, с. 17].

С правовой точки зрения, традиции представляют собой совокупность социальных норм, которые действуют в пространстве, во времени. В основном они не регулируют, а оказывают воздействие на социальную организацию в пределах определенной территории. Так, традиции местного самоуправления отличаются от иных традиций (культурных, этнических и др.), тем, что они действуют на территориях городских, преимущественно сельских поселений, а также учитываются в муниципальном правовом регулировании при принятии управленческих решений, индивидуальных правовых актов, используются в процессе проведения коллективных мероприятий. Культурологическая сторона местных традиций проявляется в том, что они олицетворяют территориальные и иные особенности поселений, отражают самобытность населения, проживающего на соответствующей территории, символизируют отправление власти в определенной местности. Коммуникативная сторона традиций отображается в ее социальном смысле и заключается в том, что «они являются средством общения между людьми и составляют как бы неписанный свод

законов общения» [9, с. 7]. Существовала и другая сторона использования традиций и обычаев, когда социальные регуляторы «использовались самодержавием для поддержания стабильности и благочиния методами, соответствующими неразвитым формам права и государственного управления [10, с. 47].

Если оценивать положительные и отрицательные стороны традиций и обычаев, то в разные исторические периоды они играли двойную роль: а) способствовали развитию общественных отношений и б) в то же время тормозили его [3, с. 245]. В любом случае к какому бы разряду явления мы не относили обычай и традицию, они, безусловно, всегда имеют воспитательное значение [3, с. 129].

В советский период борьба с негативными социальными нормами была представлена уровнем уголовного противодействия деяниям, составляющим пережитки местных обычаев. В УК РСФСР 1924 года регламентировалась уголовная ответственность за ростовщичество с нарушением обычных норм, установленных в той или иной местности (ст. 193), за совершение религиозных обрядов, помещение религиозных изображений на предприятиях и в органах государственной власти (ст. 124). Уголовный кодекс РСФСР 1960 года предусматривал отдельную главу 11, состоящую из шести статей, посвященных ответственности за совершение деяний, составляющих пережитки местных обычаев. Положительные же традиции сохранялись или возникали новые, что дополняло общественные отношения таким замыслом, который поддерживал и наполнял содержанием моральные принципы, управленческие директивы, положения советского законодательства.

Поскольку механизм действия права традиционно рассматривают с позиции правового регулирования, правореализации, традиции играют роль связующего звена, между нормами права и социальными императивами, формируя в рамках правового регулирования такое целеполагание, которое позволяет обеспечить сбалансированное соблюдение интересов общества и государства. Н. В. Витрук спра-

ведливо отмечал, что реализация Конституции Российской Федерации может быть эффективной лишь в том случае, если она опирается на свободное гражданское общество, на развитие его институтов (партии, общественные объединения, свободные средства массовой информации), легитимную, сильную, авторитетную власть [11, с. 27], эффективный гражданский контроль за государственными органами. Но для последовательного гуманистического развития идеи народовластия необходимо время, в измерении которого действует право. Чем сильнее право привито в сознании людей, тем прочнее демократические основы общества и государства. Яркие представители исторической школы права Густав Гуго и Карл Савиньи рассматривали право не как разовую систему позитивного законодательства, а как длительный исторический процесс аккумуляции правовых идей, ценностей в обычном праве [12, с. 251]. По Савиньи, право должно быть выражением «*der Volksgeist*», под которым никоим образом не понималось общественное мнение, а рассматривалась исторически обусловленная правовая идейная традиция.

Один из многих парадоксов истории идей состоит в том, что фон Савиньи вошел в историю благодаря воскрешению римского права, в первую очередь *Corpus Juris Civilis* (Свода римского гражданского права). Объяснение можно найти в его высокой оценке правоведения в качестве носителя «*der Volksgeist*». Этот термин создан его единомышленником Георгом Пухтой в труде «Традиционное право» («*Gewohnheitsrecht*») в 1838 г. и был использован фон Савиньи в работе «Система современного римского права» («*System des heutigen romischen Rechts*») в 1840-1848 гг. [13, с. 299]. Пухта отмечал, что бессмысленно навязывать народам чуждые правовые системы, не укорененные в системе народных традиций и верований, поскольку такое право не сможет органично вписаться в социальную жизнь общества [14, с. 42]. Реформирование законодательства без учета традиций, традиционных ценностей зачатую вызывало отрицательные реакции среди населения. По мнению Макса Вебера, в традиционном обществе процветает про-

изводство, а в инновационном – торговля¹. Перейдя от социалистической модели социального устройства к обществу потребления, мы столкнулись с отказом от лучших традиций советского типа общественного регулирования и нарождением новых моделей социальной организации, которые будут иметь известные правовые и социальные последствия.

В нашей стране сформирована такая правовая система, которая достаточно надежно выдерживает вызовы современности. Вместе с тем сильное государство не сможет успешно и долго функционировать без культурологических элементов национального самосознания, на которые оказывают суще-

ственное воздействие традиции. Позитивные традиции мотивируют органы власти на принятие социально-значимых управленческих решений, что важно для установления положительного морально-психологического климата в населенных пунктах.

В заключение необходимо отметить что, традиции представляют собой переходящие из поколения в поколение совокупность неоднородных правил поведения, принятых на определенной территории, в сообществе, коллективе, религии, характеризующихся признаками масштабности, сферы действия, времени существования и круга субъектов общественных отношений.

Список литературы

1. Тенишев В.Н. Правосудие в Русском крестьянском быту. – Брянск, 1907. 192 с.
2. Плахов В.Д. Традиции, их роль и место в общественных отношениях: автореф. дисс.... канд. филос. наук. – Л., 1970. 18 с.
3. Станиславайтис Р.И. Обычаи и традиции в механизме социального действия права: дисс.... докт. юрид. наук. - Вильнюс. 1989. 364 с.
4. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 776 с.
5. Кирилин А.В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. – М., 2005. 23 с.
6. Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. – М.: Политиздат, 1976. 216 с.
7. Теория государства и права / Под ред. А.И. Королева и Л.С. Явича. – Л., Изд-во ЛГУ, 1982. 381 с.
8. Угринович Д.М. Обряды, за и против. – М., 1975. 175 с.
9. Руднев В.А. Советские обычаи и обряды. – Л., 1974. 149 с.
10. Лаптева Л.Е. Местное управление в пореформенной России (1864 – 1905 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дисс.... докт. юрид. наук. – М., 2002. 50 с.
11. Витрук Н. В. Верность Конституции – основа прогрессивного развития современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 4. С.23-29.
12. Коркунов Н.М. История философии права. – СПб., 1908. 431 с.
13. Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.) / Ин-ут Европы. – М.: Наука, 1994. 394 с.
14. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. – Ярославль, 1872. 99 с.
15. Самигуллин В. К. Традиция в правосфере [теоретико-правовое исследование] / В. К. Самигуллин. – Уфа : Диалог, 2008. – 319 с.

References

1. Tenishev V.N. Pravosudie v Russkom krest'yanskom bytu. – Bryansk, 1907. 192 s.
2. Plahov V.D. Tradicii, ih rol' i mesto v obshchestvennyh otnosheniyah: avtoref. diss.... kand. filos. nauk. – L., 1970. 18 s.
3. Stanislovajtis R.I. Obychai i tradicii v mekhanizme social'nogo dejstviya prava: diss.... dokt. yurid. nauk. - Vil'nyus. 1989. 364 s.
4. Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lekciy / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. – 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist», 2001. 776 s.
5. Kirilin A.V. Krest'yanskoe obychnoe pravo v volostnyh sudah i gosudarstvennaya politika poreformennoj Rossii: avtoref. diss.... kand. yurid. nauk. – M., 2005. 23 s.
6. Suhanov I.V. Obychai, tradicii i preemstvennost' pokolenij. – M.: Politizdat, 1976. 216 s.
7. Teoriya gosudarstva i prava / red. A.I. Koroleva i L.S. Yavicha. – L., 1982. 381 s.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. URL: <http://www.wizard-portal.ru> (дата обращения: 29.11.2011).

8. Ugrinovich D.M. Obryady, za i protiv. – M., 1975. 175 s.
9. Rudnev V.A. Sovetskie obychai i obryady. – L., 1974. 149 s.
10. Lapteva L.E. Mestnoe upravlenie v poreformennoj Rossii (1864 – 1905 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. diss.... dokt. jurid. nauk. – M., 2002. 50 s.
11. Vitruk N.V. Vernost' Konstitucii – osnova progressivnogo razvitiya sovremennoj Rossii // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2008. № 4. S.23-29.
12. Korkunov N.M. Istoriya filosofii prava. – SPb., 1908. 431 s.
13. Anners E. Istoriya evropejskogo prava (per. so shved.) / In-ut Evropy. – M.: Nauka, 1994. 394 s.
14. Puhta G.F. Enciklopediya prava. – Yaroslavl', 1872. 99 s.
15. Samigullin V. K. Tradiciya v pravosfere [teoretiko-pravovoe issledovanie] / V. K. Samigullin. – Ufa : Dialog, 2008. – 319 s.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 09.10.2025; approved after 30.11.2025 review; accepted for publication 20.12.2025.

Научная статья
УДК 340.131.6
DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.002

Современное состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел (опыт общетеоретического осмысления)

В.К. Самигуллин,
*Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
svenir@internet.ru*

Аннотация. В статье на основе материалов открытой печати предпринята попытка теоретически осмыслить состояние служебной дисциплины и законности в Российской Федерации на современном этапе социального развития. Приводятся данные, свидетельствующие о структуре и динамике дисциплинарных проступков и преступлений. Обосновывается важность укрепления служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел и указывается на меры, предусмотренные законодательством в этом направлении.

Ключевые слова: правовое государство, органы внутренних дел, сотрудники, состояние, служебная дисциплина, законность, поощрение, наказание.

Для цитирования: Самигуллин В.К. Современное состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел (опыт общетеоретического осмысления) // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 14–21.

Original article

The current state of official discipline and legality in the internal affairs bodies (experience of general theoretical comprehension)

V.K. Samigullin
*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
svenir@internet.ru*

Abstract. The article, based on open press materials, attempts to theoretically comprehend the state of official discipline and legality in the Russian Federation at the current stage of social development. Data are provided showing the structure and dynamics of disciplinary offenses and crimes. The importance of strengthening official discipline and legality in the internal affairs bodies is justified and the measures provided for by law in this direction are indicated.

Key words: Legal state, internal affairs bodies, employees, state, official discipline, legality, encouragement, punishment.

For citation: Samigullin V.K. The current state of official discipline and legality in the internal affairs bodies (experience of general theoretical comprehension) // Law and statehood. 2025. № 4 (9). 14–21.

В действующей Конституции Российской Федерации закреплено, что Российская Федерация – Россия – демократическое федеративное правовое социальное светское государство с республиканской формой правления (статьи 1, 7, 14 Конституции Российской Федерации). Современная Россия, отойдя от классового подхода к пониманию и объяснению развития общества и его го-

сударственности, исходит из того, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (статья 2 Конституции Российской Федерации).

Практическое осуществление этого важнейшего конституционного положения – трудная социальная задача. Успех в решении

ее зависит от многих факторов, причин, обстоятельств. При этом человеческий фактор, а в более широкой постановке вопроса многогранная созидательная и конструктивная деятельность российского общества и его государственности, ориентирующийся на гуманистические и демократические ценности, решающая из них. Сохраняет свое значение и такое направление в деятельности общества и его государственности как противостояние преступности, борьба с правонарушениями в публичной и частной сторонах жизни населения: граждан, лиц без гражданства, иностранцев.

История российских органов внутренних дел полна примерами высокой общеобразовательной и профессиональной подготовки, общей и правовой культуры, дисциплинированности и исполнительности, добросовестного выполнения сотрудниками своих служебных обязанностей, порядочности, человечности. В нашей стране только Героев Советского Союза и Героев России 13 896. Среди них и сотрудники органов внутренних дел, которых около 600.

Тем не менее, проблемы и вопросы служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел не теряют своей актуальности. В какой-то степени это болезненная тема, которую даже в кругу ученых и специалистов, сотрудников правоохранительных органов некоторые предпочитают не затрагивать. В этой связи общетеоретическое осмысление ее связано со сложностями, не исключая известными субъективизм.

Законность – мера права. Она требует соблюдения всем населением, прежде всего, должностными лицами, действующими в обществе и его государственности, установленных законов. Дисциплина же – это культура, сознательное выполнение определенного порядка деятельности в рамках принятого в цивилизованном обществе, соотносясь не только с законами, а и с другими правилами человеческого и профессионального общения.

В органах внутренних дел в служебной дисциплине в своеобразном сочетании представлена, и дисциплина как таковая, и законность. И в этом сочетании служебная дисциплина образует новое качество. Она – фундамент для надежной и эффективной деятельности МВД России, его подразде-

лений, сотрудников. В этой связи в системе МВД ей уделяется серьезное внимание на всех уровнях руководства и управления, обучения и воспитания.

В научном отношении для получения лучшего представления о состоянии служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел необходимы:

- правильная классификация дисциплинарных проступков, административных правонарушений, преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел;
- системный анализ причин нарушения служебной дисциплины и иных правонарушений;
- обобщение информации о совершаемых правонарушениях сотрудниками органов внутренних дел по России в целом и по ее субъектам, отдельным подразделениям органов внутренних дел.

На состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел влияют различные факторы объективного и субъективного свойства.

С объективной стороны сказывается общая обстановка в стране, социально-психологический климат в служебном подразделении. Постоянный дискомфорт, вызванный напряженными отношениями, может привести не только к нарушениям действующего законодательства, совершению дисциплинарного проступка, но и к более серьезным последствиям. В этой связи установление в подразделениях органов внутренних дел доброжелательных, деловых отношений, развитие хороших традиций должно быть в приоритете.

С субъективной стороны к нарушениям служебной дисциплины и законности ведет деформация правового сознания сотрудников органов внутренних дел, что обусловлено рядом причин и обстоятельств:

Так, в особую группу такого рода причин и обстоятельств может быть отнесено:

- детальная, доходящая до мелочности, регламентация служебной деятельности;
- властные полномочия;
- психологические и физические перегрузки;
- особенности организации службы;
- недостаточное материальное вознаграждение за службу;
- повышенная ответственность;

- экстремальность;
- профессиональные контакты с криминальными личностями;
- корпоративность.

Кроме того, сказываются личностные особенности сотрудников органов внутренних дел:

- завышенные ожидания от службы;
- недостаточная общая культура и профессиональная подготовка;
- жесткие профессиональные установки;
- профессиональный возраст;
- склонность к насилию;
- опережающее владение техникой профессиональной деятельности в сравнении с должным профессиональным развитием личности;
- решительность при слабом самоконтроле и самокритичности;
- смена очарования профессией на разочарование;
- переоценка своих личностных способностей и возможностей.

Нельзя не считаться и с такими обстоятельствами, как-то:

- неадекватный стиль руководства и управления;
- напряженные конфликтные отношения между сотрудниками;
- конфликты в семье, бытовая неустроенность;
- низкая общественная оценка деятельности сотрудников, вызывающая чувство неудовлетворенности своим социальным статусом.

В связи с тем, что на состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел влияют различные факторы, его пребывание на должном уровне требует повседневного внимания. Оно должно быть предметом заботы не только руководства органов внутренних дел, а каждого добросовестного сотрудника, верного Присяге.

В требовании по соблюдению сотрудниками органов внутренних дел служебной дисциплины должны входить следующие элементы:

- соблюдение установленного порядка функционирования соответствующего подразделения;

- правильное выстраивание координационных и субординационных отношений в осуществлении служебной деятельности;
- приверженность к принятым стандартам этического поведения при несении службы и в свободное от службы время.

Поддержанию состояния служебной дисциплины на должном уровне способствует такой режим в органах внутренних дел, когда

- реально обеспечиваются предоставленные законодательством социальные льготы и гарантии сотрудникам;

- создаются наиболее приемлемые условия для службы, отдыха, перспектив служебного роста;

– совершенствуется система материального и морального поощрения;

- правильно используется система поощрения и депрецирования сотрудников.

Принципиальные положения, способствующие обеспечению надлежащего уровня состояния служебной дисциплины в органах внутренних дел, отражены и закреплены в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ (далее – сокращенно ФЗ № 342 «О Службе»)¹.

В деле обеспечения состояния служебной дисциплины в органах внутренних дел на должном уровне существенное значение имеет отбор кадров на службу. Юридически значимые требования к желающим поступить на службу в органах внутренних дел установлены в статьях 17 – 26 обозначенного выше Федерального закона.

В практическом отношении формированию корпуса надежных кадров для службы в органах внутренних дел, что является гарантией обеспечения служебной дисциплины в органах внутренних дел на необходимом и должном уровне, способствуют:

- совершенствование системы отбора кадров на службу в органах внутренних дел;
- осуществление этого отбора на основе научно обоснованных и проверенных на практике методов определения умений, навыков и знаний, необходимых для службы в органах внутренних дел.

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

При проверке умений и навыков кандидатов, претендующих служить в органах внутренних дел, как правило, обращается внимание на способность планировать и организовывать собственную деятельность, определять приоритеты в работе, поддерживать позитивный образ надежного человека, оценивать поступающую информацию и принимать правильные и своевременные решения. Во время отбора тщательно отслеживается информация относительно биографических данных, семейного положения, образования, деловых качеств, нравственного облика, отношения к коллегам и партнерам, наличия предубежденности к религиозным организациям и экстремистским объединениям. Особое внимание уделяется тому, каково отношение кандидата, претендующего служить в органах внутренних дел, к алкоголю, наркотикам; какова его сексуальная ориентация, амурные влечения; способен ли он на немотивированную агрессию.

При осуществлении отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел уделяется внимание также вопросам, относящимся к кадровой работе в системе МВД России; задачам и критериям подбора сотрудников в конкретные службы и подразделения; организации по подбору кадров; способам и приемам определения мотивации к службе; выявлению профессиональной пригодности; знаниям, умениям.

Все это в совокупности требует внимания, усердия, принципиальности многих специалистов (медицинских работников, психологов, кадровиков) и соответствующих руководителей, принимающих решения о приеме конкретного кандидата на службу по существу. От этих решений зависит качественный состав принятых на службу в органы внутренних дел, уровень состояния служебной дисциплины и законности в системе МВД России в целом и в его службах и подразделениях.

Какова ситуация со служебной дисциплиной в органах внутренних дел в современных условиях?

Наблюдения и статистические данные свидетельствуют о том, что в структуре дисциплинарных проступков сотрудников органов внутренних дел значительное место занимают злоупотребление спиртными на-

питками и виновные дорожно-транспортные происшествия. Такого рода дисциплинарные происшествия допускаются сотрудниками рядового и начальствующего состава, участковыми уполномоченными, сотрудниками подразделений дознания, органов предварительного следствия, а также штабными работниками, хотя и в меньшей степени.

Поддерживанию состояния служебной дисциплины на уровне в органах внутренних дел, необходимом для надежной и эффективной деятельности их во взаимодействии, с одной стороны, с другими правоохранительными органами, а с другой – с общественностью, способствует умелое использование различных методов руководства и управления, регулирования и воспитания. В частности, поощрения и наказания.

Теоретически меры поощрения, используемые в системе МВД России, могут быть подразделены на следующие виды: моральные, материальные, смешанные. Конкретные же меры поощрения, применяемые в отношении сотрудника органов внутренних дел руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и уполномоченным руководителем, определены в части первой статьи 48 ФЗ № 342 «О Службе».

Поощрение – важная составная практики обеспечения приемлемого уровня состояния служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел. Основное предназначение его стимулирование сотрудников органов внутренних дел добросовестному и инициативному выполнению своих служебных обязанностей; поддержание оптимального ритма деятельности личного состава в режиме здоровой морально-климатической обстановки; недопущений нарушений служебной дисциплины и законности.

Обратным поощрению является депремирование или наказание, которое в плане обеспечения дисциплины и законности применительно к сотрудникам органов внутренних дел выступает как дисциплинарное взыскание, сказывающееся на прохождении государственной службы в органах внутренних дел конкретным сотрудником не лучшим образом.

Основанием для наложения дисциплинарного взыскания является наруше-

ние служебной дисциплины (дисциплинарный проступок). В части второй статьи 49 ФЗ № 342 «О Службе» приведен перечень грубых нарушений служебной дисциплины. В случае допущения нарушения сотрудником служебной дисциплины на него могут в соответствии с частью первой статьи 50 ФЗ № 342 «О Службе» налагаться следующие дисциплинарные взыскания:

- замечание;
- выговор;
- строгий выговор;
- предупреждение о неполном служебном соответствии;
- перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел;
- увольнение со службы в органах внутренних дел.

В образовательных учреждениях системы МВД России в отношении обучающихся (курсантов, слушателей) могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания:

- назначение вне очереди в наряд (за исключением назначения в наряд по обеспечению охраны подразделения);
- лишение очередного увольнения из расположения образовательной организации;
- отчисление из образовательной организации.

На практике возникают проблемы и вопросы следующего свойства. Вопреки общему правилу, запрещающему привлекать за одно совершенное правонарушение дважды, случается, что сотрудников за один

дисциплинарный проступок наказывают несколько раз. Допускаются нарушения порядка наложения на сотрудников дисциплинарных взысканий. Так, хотя законодатель установил, что дисциплинарное взыскание не может быть наложено на сотрудника по истечении шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка, а по результатам финансово-хозяйственной деятельности по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка, это требование не всегда соблюдается. Недопустимо наложение дисциплинарного взыскания на сотрудника спустя приведенных сроков. Причем в эти сроки не засчитывается период нахождения его в отпуске или временной нетрудоспособности, время производства по рассматриваемому в отношении его делу. В системе не изжиты полностью обвинительный уклон в осуществлении предварительного расследования, предвзятость по отношению к определенным лицам, формализм и бюрократизм, ведущие к поверхностному подходу к осуществлению служебной проверки.

Применительно к органам внутренних дел, его сотрудникам особого рассмотрения требует тема законности.

Судя по материалам открытой печати о состоянии преступности в стране в целом, динамика зарегистрированных преступлений за последние годы, с 2020 года по август 2025 года, характеризуется следующими показателями. См. Таблицу 1.

Таблица 1.

Динамика зарегистрированных преступлений по России в целом за период с 2020 года по август 2025 года

№ п/п	количество зарегистрированных преступлений	больше (>) или меньше (<)	в относит. показателях	в абсолютных показателях
2020	2044221	>	на 1%	19884
2021	2004404	<	на 1,9%	39717
2022	1966795	<	на 1,9%	37709
2023	1947161	<	на 1,0%	19634
2024	1911258	<	на 1,8%	35903
2025	1827596	<	на 3,4%	83662

Как видно из приведенной таблицы, по России в целом из года в год наблюдается

снижение количества зарегистрированных преступлений в пределах 1947161, или 1,0% (2023 год) – 1827596, или 3,4% (январь – август 2025 года). По сравнению с 2020 годом в 2025 году количество зарегистрированных преступлений сократилось на 116625, или на 5,6 %.

Эта общая картина о количестве зарегистрированных преступлений по России в целом разнится с тем, что характерно для отдельных субъектов в Российской Федерации. Так, в 2020 году в 50 субъектах Российской Федерации наблюдался рост регистрируемых преступлений, а в 35 субъектах Российской Федерации наблюдалось снижение. Как правило, в городах и поселениях городского типа регистрируется преступлений кратно больше, чем в сельских поселениях. Несмотря на сокращение зарегистрированных преступлений за последние годы по России в целом, сохраняет свою остроту ситуация, связанная с преступлениями против личности; разбоями и грабежами; мошенничествами всех видов; с преступлениями, связанными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Все еще значительно количество ДТП, совершаемых водителями, находящимися в состоянии опьянения. Непростая ситуация в среде несовершеннолетних, мигрантов.

Органы внутренних дел Российской Федерации – составная часть всей современной российской правоохранительной системы, призванной защищать права и свободы человека и гражданина, обеспечивать законность и правопорядок во взаимодействии с институтами гражданского общества и структурами правового государства, с общественностью. Причем, одна из важнейших. В системе органов внутренних дел Российской Федерации проходят государственную службу множество сотрудников. В общей сложности порядка 800 000 – 850 000 сотрудников. По количеству лиц, проходящих государственную службу, органы внутренних дел занимают среди всех правоохранительных органов первое место. И из всех зарегистрированных преступлений более 90% выявляется благодаря их активной профессиональной деятельности. На высоком уровне остается

раскрываемость ряда видов преступлений, особенно таких, как убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, разбой.

Хотя сотрудники органов внутренних дел, представляя правоохранительные органы, призваны противостоять преступности, порой они сами становятся фигурантами уголовных дел. По данным Дубовой М.Е., в среднем количество преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, превышает аналогичный показатель преступлений, совершаемых сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (сокращенно – ФСИН РФ), в 3,4 раза, сотрудниками Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (сокращенно ФССП РФ) в 5,4 раза [1, с. 95, 97].

Такие показатели можно объяснить численным превосходством сотрудников органов внутренних дел над количеством сотрудников ФСИН РФ и ФССП РФ. Однако абсолютизировать верность этого суждения было бы не совсем правильно, так как данные о фактической численности действующих сотрудников органов внутренних дел носят закрытый характер.

Разумеется, задачи, стоящие перед органами внутренних дел, особенно перед полицией, сложно осуществлять, говоря метафорически, в белых перчатках. Однако все же нельзя мириться и с тем, кому поручено обеспечивать охранять закон, сами его нарушали, даже если это происходит с их точки зрения в интересах общества и его государственности. Совершаемые сотрудниками органов внутренних дел преступления дискредитируют их самих и вместе с тем дискредитируют органы внутренних дел, снижают степень доверия населения к правоохранительной системе в целом, подрывают авторитет государства. Высокий уровень преступности сотрудников правоохранительных органов может ставить под угрозу существование государства [2, с. 287].

Отдельные авторы полагают, что сотрудник органов внутренних дел, совершивший преступление, не может претендовать на снисхождение. На первый взгляд, вроде бы правильно. Однако, основательное

погружение в предмет, дает пищу для сомнений. Представляется, что такая категоричность – все же неуместная жестокость, потому что не все преступления совершаются умышленно, некоторые из них совершаются по неосторожности, в ситуациях, требующих риска, стечения неблагоприятных обстоятельств. Кроме того, закон предусматривает обстоятельства, исключающие юридическую ответственность; обстоятельства, освобождающие от юридической ответственности; обстоятельства, освобождающие от назначения наказания, а также обстоятельства, предполагающие воздержание от исполнения назначенного наказания. В то же время в меру строгая оценка поведения провинившегося сотрудника, соблюдая объективный подход, всесторонний анализ случившегося, гуманизма, – необходимость.

В понятийном отношении законность уже, чем дисциплина, тем не менее, она – сложное понятие. Ее принято рассматривать как требование и принцип, метод и режим в различии и единстве. В практической деятельности законность частенько вступает в противоречие с такими феноменами, как обоснованность, справедливость, целесообразность. О состоянии законности в органах внутренних дел можно составить определенное представление по тому, насколько органами внутренних дел, их сотрудниками соблюдаются уголовно-правовые запреты, то есть по тому совершаются или не совершаются сотрудниками этих органов преступления. А если совершаются, каково число, каковы виды.

Несмотря на нарекания в адрес органов внутренних дел, вызванных разными мотивами со стороны, состояние законности в органах внутренних дел не критичное. В общей структуре преступлений по стране в целом удельный вес их все же невелик, чтобы поднимать ажиотаж, способный шокировать население. Кроме того, динамика преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, по годам изменчива.

Наблюдения и анализ показывают, что проблемы и вопросы с законностью в органах внутренних дел в значительной степени вызваны личностными качествами отдельных сотрудников: подозрительностью, злобностью, коварством, вероломством, жестокостью, склонностью к произволу, насилию,

неадекватным реагированием на определенную ситуацию; заюридизированностью, ведущей к непониманию того, что развитие событий и отношений не всегда укладывается в рамки права в его специально-юридическом понимании, карьеризмом, нездоровым желанием отличиться, жадностью, шкурническими интересами.

К нарушениям законности ведут также приверженность к идеологическим концептам в разных формах, которые не соответствуют правильному представлению о развитии общества и его государственности, права; обвинительный уклон; грубость, беспринципность, маскируемая под беспристрастность; укрывательство преступлений, с одной стороны, а с другой – приписывание составов преступлений; намеренно неправильная оценка событий и поступков: с одной стороны, невероятное преувеличение значимости того, что незначительное, простительное, а с другой – преуменьшение значимости того, что действительно представляет угрозу, особенно с точки зрения национальной безопасности.

Отсюда – важность проблематики профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел; иных лиц, приобщенных к деятельности органов внутренних дел. Необходимо добиваться, чтобы профессиональное правосознание было устойчивым, развивалось в направлении приобщения к гуманистическим и демократическим ценностям, позитивным традициям, не поддаваясь соблазнам и искушениям. Для этого важно проведение мониторингов, специальных исследований, мероприятий воспитательного характера и направленности.

Поддержание служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел на необходимом и должном уровне сопряжено с совершенствованием законодательства и практики его реализации (применения). В этой связи предлагается:

– обновить Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, приведя его в соответствие общему курсу совершенствования системы МВД России как ключевой структуры обеспечения, прежде всего, законности и правопорядка;

– установить особый статус для гражданских лиц, которые трудятся в органах внутренних дел вместе с сотрудниками органов внутренних дел, проходящими службу в этих органах практически в равных с ними условиях. Впредь именовать этих лиц вольноопределяющимися, а не вольнонаемными, так как последняя характеристика уничижительная;

– рассмотреть возможность включения в законодательный и правоприменительный оборот понятия «депоощрение»;

– уточнить содержание понятия «дисциплинарное взыскание»;

– предусмотреть нормы, ведущие к формированию режима наибольшего благоприятствования для поступления на службу в органы внутренних дел участников СВО;

– установить, что тем курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, которые добились отличных показателей в учебе, научно-исследовательской работе, общественной деятельности, присвоение при выпуске специального звания «старший лейтенант», то есть на одну ступень выше.

Список литературы

1. Дубова М.Е. Обзор количественных показателей преступности сотрудников органов внутренних дел России, сопряженной с самодискредитацией // Вестник Российского университета кооперации, 2023, № 1 (51). С. 93-98.
2. Шадрина, Е. В. Преступность сотрудников правоохранительных органов как угроза национальной безопасности / Е. В. Шадрина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 282-288.

References

1. Dubova M.E. Obzor kolichestvennyh pokazatelej prestupnosti sotrudnikov organov vnutrennih del Rossii, sopryazhennoj s samodiskreditaciej // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii, 2023, № 1 (51). S. 93-98.
2. Shadrina, E. V. Prestupnost' sotrudnikov pravooxranitel'nyh organov kak ugroza nacional'noj bezopasnosti / E. V. SHadrina // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2022. № 5 (148). S. 282-288.

Информация об авторе (авторах): Самигуллин Венир Калимуллович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Samigullin Venir Kalimullovich, Professor, Department of State and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, ul. Muksinova, 2).

Статья поступила в редакцию 05.10.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 05.10.2025; approved after 12.11.2025; review; accepted for publication 20.12.2025.

Научная статья

УДК 340.131.6

DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.003

Законность как конституционная категория

Е.В. Колесников

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Российская Федерация

k_kmp@ssla.ru

Аннотация. В статье рассмотрена демократическая природа Конституции России 1993 г. Показано, что Конституция находится на иерархической вершине национальных источников права и обладает наивысшей юридической силой. Законность рассматривается как всеобщее требование соблюдения законов и других нормативных правовых актов. Конституция является основой законности и правопорядка. Отмечена важная роль судов в обеспечении законности.

Ключевые слова: Конституция РФ, законность, законодательство, федеральные законы, федеральные конституционные законы, верховенство закона, суд.

Для цитирования: Колесников Е.В. Законность как конституционная категория // Право и государственность, 2025. № 4 (9). С. 22–25.

Original article

Legality as a constitutional category

E.V. Kolesnikov

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russian Federation

k_kmp@ssla.ru

Abstract. The article examines the democratic nature of the 1993 Constitution of Russia. It is shown that the Constitution is at the hierarchical apex of national sources of law and has the highest legal force. Legality is seen as a general requirement to comply with laws and other regulations. The constitution is the basis of law and order. The important role of the courts in ensuring the rule of law was noted.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, legality, legislation, federal laws, federal constitutional laws, rule of law, court.

For citation: Kolesnikov E.V. Legality as a constitutional category // Law and statehood, 2025. № 4 (9). P. 22–25.

Суть законности – соблюдение и осуществление законов, других нормативных актов и договоров. Спорной является позиция отдельных авторов (например, Н.В. Витрука [1, с. 506–507], М.С. Строговича [2, с. 2, 13], об узком понимании этой категории с апелляцией только к закону. Последнее недопустимо и чревато непредсказуемыми последствиями в связи с особенностями отечественной политической и правовой системы, с обширностью, коллизийностью и недостаточной кодифицированностью законодательства.

Отдельные аспекты законности впервые

в общем виде определены Конституцией Союза ССР 1936 г. В частности, положения о законодательной власти общесоюзного Верховного Совета (ст. 32), о независимости судей и подчинении их только закону (ст. 112), о прокурорском надзоре (ст. 113) [3, с. 192, 201, 203]. В конституционном акте 1977 г. этой важной проблеме уделено более значительное внимание. Подчеркнуто, что советское государство, его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка (ст. 4). Сказано также об укреплении правовой основы государственной и обществен-

ной жизни на текущий и перспективный периоды (ст. 9), равенстве перед законом (ст. 34), равноправии мужчины и женщины (ст. 35), обязанности соблюдать основные и законодательные нормы (ст. 59), законодательном характере Верховного Совета и процедуре принятия законов (ст. 108, 113, 114), независимости судей и подчинении их только закону (ст. 155)¹.

Более конкретно и содержательно законность рассмотрена в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. и действующей с изменениями и дополнениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.²

Конституция как основополагающий политико-правовой документ программного характера характеризуется фундаментальностью, универсальностью, имеет собственный предмет и метод регулирования.

Конституция является кодифицированным актом высокого уровня и выполняет роль главенствующего, т.н. Основного Закона, воздействующего на многие социально и политически значимые общественные отношения и связи. Она представляет собой нормативную базу функционирования институтов публичной власти их должностных лиц. Установлена всеобщая (основная) обязанность, имеющая важное морально-политическое значение – соблюдать российскую Конституцию и законы.

Высшая (максимальная) сила Конституции РФ заключается в том, что ее нормы всегда имеют приоритет применительно к положениям законов и других нормативных актов. Законы и подзаконные акты должны приниматься уполномоченными органами в соответствии с заранее установленной легитимной, правовой процедурой и опубликовываться в предусмотренные законодательством сроки.

Многочисленные и зачастую коллизионные подзаконные акты отменяются в случае противоречия закону. Это императивное требование демократической правовой го-

сударственности, детерминированное началами конституционализма и принципом верховенства закона.

Законность предполагает принятие и действие определенной совокупности законов. В связи с этим принципиально положение о том, что Федеральное Собрание – российский парламент является представительным и единственным законодательным органом России (ст. 94 Конституции РФ).

Закон есть выражение всеобщей согласованной воли граждан (избирателей) и носит представительный, а в идеале – нравственно-авторитетный характер. Он издается только национальным парламентом, а не каким-либо другим государственным органом. Закон зиждется на правовом равенстве всех перед Конституцией, законом и судом. По справедливому утверждению К. Маркса, любое нарушение равенства перед законом есть «крушение права», т.е. беззаконие и произвол [4, с. 204].

Новая российская государственность, возникшая в начале 90-х гг. XX века, опирается на единый рынок и совокупность разнородных рыночных отношений, общее социально-экономическое пространство, которые объективно требуют централизованного регулирования, что невозможно без системы взаимосогласованных и эффективных законов. Законность характеризуется единством и всеобщностью на всей государственной российской территории, хотя в отдельных субъектах (регионах) может обладать спецификой.

Законность надо рассматривать как принцип и всеобщее требование правовой демократической государственности, индикатор состояния (качества) функционирования разнообразных отношений и связей юридического характера. В первую очередь она имеет прямое отношение к институтам публичной власти (ст. 1, 2, 4, 10, 15, 80, п. «е» ч. 1 ст. 114, ст. 120 Конституции РФ). Российская Федерация – демократическое правовое государство, что предполагает высокий престиж законов и судов. Закон-

¹ Конституция СССР 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., N 0001202210060013.

ность выражает реальность права, степень (уровень) его фактического осуществления.

Законность обусловлена осуществлением принципа верховенства закона, сущность которого его особое, привилегированное место в системе нормативно-правовых актов. Верховенство российского закона вытекает из государственного и народного суверенитета (ст. 3), стратегической (программной) задачей построения новой демократической государственности (ст. 1, 3, 7 Конституции РФ). Осуществлять этот приоритет в общей системе нормативных актов можно только последовательно, проявляя государственную волю и используя потенциал публичной власти и общественности.

О верховенстве закона впервые четко сказано действующей Конституции РФ (ч. 2 ст. 4, ст. 15, 90, ч. 1 ст. 115).

Есть основание выделить два аспекта законности. Во-первых, организационно-функциональный, связанный с организацией и функционированием государственной власти. Это: народный и государственный суверенитет Российской Федерации (ст. 1, 4), разделение властей как системообразующий принцип государственного строительства (ст. 10, 11), Президент как гарант российской Конституции, прав и свобод граждан (ч. 2 ст. 80, ч. 1 ст. 82), осуществление правосудия только судом и разветвленная система судебных органов (ст. 118, 125, 126), высшая юридическая сила Конституции РФ и верховенство закона (ч. 2 ст. 4, ст. 15).

Во-вторых, человекоцентричный (гуманитарный) аспект. Он проявляется в непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина (ст. 18), системе государственной защиты прав и свобод, включая судебную (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46), равенстве всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), признании прав и свобод непосредственно действующими (ст. 18), установлении широкой номенклатуры личных, социальных, экономических, политических и культурных прав и свобод (ст. 6, ст. 17–64 Конституции РФ).

Важнейшим инструментом утверждения законности являются суды – мировые, суды общей и арбитражной юрисдикции, Верховный Суд и занимающий особое, уникальное место Конституционный Суд РФ, созданный в октябре 1991 г. В соответствии с европейской традицией порядок создания высших судов определяется актами повышенной юридической силы, в современной России – федеральными конституционными законами, во многих зарубежных странах – органическими. Место (своего рода дислокация) федеральных Конституционного и Верховного Судов в системе власти установлено основными нормами (ст. 125, 126 Конституции РФ), что также подчеркивает их высокий статус и авторитет. Реорганизация (а тем более упразднение) данных институтов невозможны без внесения конкретных изменений первоначально в базовые (основные) нормы, а затем – в текущее законодательство.

Суды при осуществлении правосудия – особой правозащитной деятельности по мандату (поручению) государства связаны Конституцией и законами. Учитывая принадлежность России к романо-германской правовой системе, суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение, опираясь преимущественно на закон (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ), что не только объяснимо, но и логично.

Законность означает ориентацию всех судов, судей, других правоприменителей на Конституцию РФ и законы как главное и неперемutable условие правосудия. Это возможно исключительно при признании высшей юридической силы Конституции РФ, всех совокупности основных норм, реального осуществления верховенства закона¹.

Правосудие неразрывно связано с законностью, опирается на нее. Это относится ко всем видам судопроизводства – конституционному, административному, гражданскому, арбитражному.

Суд призван защищать права и свободы

¹ По делу о проверке конституционного ряда положений Устава (Основного Закона) Тамбовской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1997 г. № 19-П // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5877; По делу о проверке конституционного абзаца двенадцатого пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих с жалобой гражданина А.А. Степаняна: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 октября 2022 г. № 44-П // СЗ РФ. 2022. № 44. Ст. 7654.

личности, нарушенные или оспариваемые права и интересы конкретных граждан, физических и юридических лиц. Согласно российской Конституции каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 1 и 2 ст. 46). Однако судьи защищают не только частные, но и публичные, государственные интересы.

Уголовное преследование и наложение наказания осуществляется на основании действующих федеральных законов и кодексов, а не подзаконных актов. Суд рассматривает только допустимые (законные)

доказательства. Выносимые судебные акты должны быть беспристрастными, обоснованными, логически и фактически мотивированными, позитивно восприняты гражданами, понятны им и поддержаны общественным мнением.

Законность – это важнейшая общеправовая и конституционная категория, показывающая реальный уровень осуществления правоположений, прежде всего законов. Она выражает связь последних с общественными отношениями. Современное государство связано Конституцией и законами, а законность выступает как основной метод управления социальными, политическими, экономическими процессами на основе закона.

Список литературы

1. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение. Конституционная законность и конституционное правосудие // *Общая теория государства и права: академический курс: в 2-х т. / под ред. М.Н. Марченко.* М.: Зерцало, 1998. Т. 1. С. 506–531.
2. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. – 252 с.
3. Памятники российского права: в 35 т. Т. 24. Конституции ССР и РСФСР: учебно-науч. пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. – 344 с.
4. Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 187–217.

References

1. Vitruk N.V. Legality: concept, protection and provision. Constitutional legality and constitutional justice // *General Theory of State and Law: academic course: in 2 volumes / edited by M.N. Marchenko.* Moscow: Zertsalo, 1998. Vol. 1. S. 506–531.
2. Strogovich M.S. Basic issues of Soviet socialist legality. Moscow: Nauka, 1966. – 252 s.
3. Monuments of Russian law: in 35 vols. Vol. 24. Constitutions of the SSR and the RSFSR: educational and scientific. the manual / under the general editorship of R.L. Khachaturov. Moscow: Yurлитin-form, 2016. – 344 s.
4. K. Marx. Justification of the Moselle correspondent // K. Marx, F. Engels. Essay. Ed. 2-E. M.: Gospolitizdat, 1955. Vol. 1. S. 187–217.

Информация об авторе: Колесников Евгений Викторович, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной академии права (410056, Россия, Саратов, ул. Чернышевского, 104), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author: Evgeny Kolesnikov, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Academy of Law (410056, Russia, Saratov, Chernyshevsky St., 104), Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 11.10.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 11.10.2025; approved after 30.11.2025; review; accepted for publication 20.12.2025.

К вопросу о содержании понятия «персональные данные» в контексте их административно-правовой защиты в Российской Федерации

Р.Н. Боярский

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Российская Федерация

rn.bojarsky@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание понятия «персональные данные» сквозь призму его административно-правового обеспечения в Российской Федерации. Рассматривается, как технологический прогресс и задачи государственного управления влияют на правовое регулирование. Особое внимание уделяется роли государства, которое выступает одновременно гарантом безопасности персональных данных и их крупнейшим оператором. Исследуется поиск баланса между защитой прав граждан, потребностями бизнеса и интересами государства в условиях цифровизации. На основе анализа законодательства и судебной практики делаются выводы о динамичном характере понятия и современных тенденциях в его административно-правовом регулировании.

Ключевые слова: персональные данные, административно-правовая защита, государственное регулирование, Роскомнадзор, 152-ФЗ, цифровой суверенитет.

Для цитирования: Боярский Р.Н. К вопросу о содержании понятия «персональные данные» в контексте их административно-правовой защиты в Российской Федерации // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 26–30.

Original article

On the content of the concept of «personal data» in the context of its administrative-legal protection in the Russian Federation

R.N. Boyarsky

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russian Federation

rn.bojarsky@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the content of the concept of «personal data» through the prism of its administrative and legal framework in the Russian Federation. It examines how technological progress and public administration tasks influence legal regulation. Special attention is paid to the role of the state, which acts simultaneously as a guarantor of personal data security and its largest operator. The search for a balance between the protection of citizens' rights, the needs of business, and the interests of the state in the context of digitalization is explored. Based on the analysis of legislation and judicial practice, conclusions are drawn about the dynamic nature of the concept and modern trends in its administrative and legal regulation.

Keywords: personal data, administrative-legal protection, state regulation, Roskomnadzor, Federal Law No. 152-FZ, digital sovereignty.

For citation: Boyarsky R.N. On the content of the concept of «personal data» in the context of its administrative-legal protection in the Russian Federation // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 26–30.

Изначально регулирование защиты данных в России преследовало цель дать гражданам инструменты контроля над их

личной информацией в цифровом пространстве. Однако со временем эта цель трансформировалась и дополнилась новой,

более масштабной задачей — обеспечением цифрового суверенитета. Способность государства защищать данные своих граждан и контролировать их оборот в национальном цифровом пространстве стала вопросом национальной безопасности. Этот концепт является сегодня отправной точкой для понимания всей государственной политики в сфере обращения персональных данных.

Современная цифровая эпоха превратила персональные данные в ключевой актив и одновременно в уязвимое место личности. Доктринальные источники определяют персональные данные как особый институт охраны права на неприкосновенность частной жизни, как информационный ресурс ограниченного доступа [1, с. 56]. Содержание этого понятия, его правовые границы и механизмы защиты находятся в состоянии постоянной динамики, отражающей борьбу и взаимовлияние нескольких глобальных тенденций: стремления личности к приватности, потребности бизнеса в данных для развития технологий и интересов государства в эффективном управлении и обеспечении безопасности. Как отмечает Л.К. Терещенко, юридические и технические требования в данной области призваны, с одной стороны, обеспечить надежную защиту персональных данных, прав граждан и законных интересов бизнеса. С другой стороны, эти меры должны быть соразмерными и не создавать избыточных барьеров, которые могли бы затруднить развитие рыночных отношений и, как следствие, ущемить интересы самих субъектов персональных данных [2, с. 142–161]. В России эволюция регулирования в этой сфере представляет собой наглядный пример того, как изменяющаяся трактовка объекта права влечет за собой трансформацию всей системы его административно-правовой защиты, где государство выступает активным участником.

Легальное определение персональных данных, закрепленное в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹, как «любой

информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу», носит широкий характер. Такая формулировка, с одной стороны, является технологически нейтральной и позволяет охватить новые формы идентифицирующей информации, а с другой — ставит вопрос о реализации принципа формальной определенности правовых норм.

В действующем законодательстве отсутствует систематизированный перечень категорий персональных данных и нормативно зафиксированных правил их идентификации. Это приводит к тому, что квалификация информации в качестве персональной данных напрямую зависит от контекста ее обработки.

Например, номер телефона и ФИО в большинстве случаев однозначно являются персональными данными. Однако для оператора связи только номер телефона его абонента — также персональные данные, так как абонент известен оператору и может быть идентифицирован. Более того, к персональным данным могут быть отнесены такие, на первый взгляд, нейтральные сведения, как IP-адрес, логины в онлайн-сервисах, поведенческие маркеры и метаданные о сетевой активности. Ключевым критерием является возможность ассоциировать информацию с конкретным человеком, выделить его из множества лиц.

Яркой иллюстрацией контекстуального подхода служит судебное дело, рассмотренное в кассационном порядке. Гражданин З. требовал признать незаконным использование его имени и фамилии в рассылке компании. Однако суд установил, что использование в тексте письма лишь имени и фамилии без каких-либо дополнительных сведений (должности, места работы и т.д.) не позволяет однозначно идентифицировать лицо. Суд указал, что «само по себе размещение писем с указанием фамилии и имени, совпадающих с фамилией и именем истца, без указания иной информации, относящейся прямо или косвенно к истцу, не может являться противо-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

правным действием»¹. Данный прецедент наглядно демонстрирует, что даже ФИО не являются безусловным атрибутом персональных данных по умолчанию.

Таким образом, попытки создать исчерпывающий, жесткий перечень персональных данных являются методологически ошибочными. Даже при замене конкретных атрибутов более широкими информационными категориями (такими как «контактные данные» вместо «номер мобильного телефона»), бурный технологический и информационный прогресс общества рано или поздно приведет к появлению новых видов информации, не подпадающих под сферу регулирования персональных данных, но при этом позволяющих идентифицировать и оказывать воздействие на субъектов данных [3, с. 53–76].

Более продуктивным представляется подход, при котором идентификация персональных данных осуществляется исходя из их способности в конкретных обстоятельствах привести к идентификации физического лица. Это требует от операторов и регулятора высокой правовой культуры и ситуационного анализа.

Содержание понятия «персональные данные» является динамическим, контекстуально зависимым и постоянно расширяющимся под влиянием технологического прогресса, что, в свою очередь, обуславливает эволюцию административно-правовых мер защиты.

Регулирование защиты данных изначально преследовало четкую, ограниченную цель, заключающуюся главным образом в создании набора правил, позволяющих физическим лицам контролировать свою личную информацию и, как следствие, определять свою идентичность в интернете. Со временем защита данных постепенно начала играть более значительную роль

Формирование современной системы защиты персональных данных в России на-

чалось в постсоветский период. Фундаментальную роль на этом этапе сыграла Конституция Российской Федерации 1993 года, статьи 23 и 24 которой провозгласили право на неприкосновенность частной жизни и установили запрет на сбор сведений о личности без ее согласия². Первым же специализированным актом в этой сфере стал Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 года³, хотя он и не содержал детальных норм, непосредственно посвященных персональным данным. По мере того, как банки, операторы связи и государственные органы начали накапливать все более разнообразные массивы информации о гражданах, потребовалось принятие в 2006 году специализированного Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Этот закон не просто ввел понятие, но и создал административно-правовой механизм для его защиты, назначив Роскомнадзор регулятором и возложив на операторов обязанности по обеспечению безопасности.

В текущий период развитие системы защиты персональных данных определяется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдается масштабирование государственных цифровых платформ, таких как ЕСИА и портал «Госуслуги», создающих централизованные базы информации о гражданах. С другой — внедряются технологии, сопряженные с повышенными рисками для приватности, например, система «Биометрия» (с 2018 г.), предусматривающая сбор биометрических параметров. Таким образом, на современном этапе сохраняется дискуссия о поиске баланса между эффективностью предоставления государственных услуг и угрозами, порождаемыми возможностью тотального цифрового контроля.

Роль государства в сфере обращения персональных данных является многоа-

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 июня 2025 г. по делу № 8Г-9616/2025, 88-10365/2025 // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=15832789&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 31.09.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2020. 4 июля.

³ Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 8. Ст. 609 (утратил силу).

спектной. С одной стороны, оно выступает как гарант безопасности и регулятор, устанавливающий обязательные для всех правила. С другой — оно является крупнейшим оператором, обрабатывающим персональные данные в целях выполнения своих властных и управленческих функций:

1. Повышение эффективности государственного управления. Развивающиеся регулирование в области персональных данных позволяет использовать большие данные в публичном управлении. Именно в этом контексте следует рассматривать новейшую инициативу Минцифры России о создании механизма доступа к обезличенным данным¹. Стремясь повысить эффективность управления основанных на данных решений (например, анализируя мобильность населения для оптимизации маршрутов общественного транспорта), государство пытается минимизировать вмешательство в частную жизнь, используя не персональные, а обезличенные данные.

2. Баланс между интересами личности, бизнеса и государства. Осознавая риски, государство пытается дать гражданам больше инструментов для контроля. Один из планируемых шагов — создание сервиса, где можно будет отозвать свое согласие на обработку персональных данных, ранее данное множеству компаний². Это сложный технический и организационный вызов, но он демонстрирует вектор на усиление позиции личности в цифровой среде.

3. Формирование в России суверенного и защищенного цифрового пространства. Помимо традиционных функций законодательного регулирования и контроля, государство берет на себя ответственность, затраты и координацию по созданию общей с бизнесом инфраструктуры информационной безопасности, лежащей в ос-

нове цифрового суверенитета страны [10].

4. Изменение системы государственного управления. Развитие технологий продолжает оказывать воздействие на административно-правовую защиту. Наблюдается тенденция к автоматизации контрольно-надзорной деятельности. Роскомнадзор и другие органы власти все активнее используют автоматизированные системы для мониторинга сети Интернет на предмет нарушений законодательства о персональных данных (несанкционированное распространение данных, отсутствие согласия на обработку), снижая объем ручного труда во время проверок³. Это заставляет меняться и саму систему государственного управления: от реагирования на жалобы к активному выявлению нарушений с помощью технологий. В перспективе можно ожидать внедрения более сложных систем на основе искусственного интеллекта.

Таким образом, регулирование персональных данных сегодня — это непрерывный поиск компромисса. Государство пытается одновременно:

- обеспечить безопасность и цифровой суверенитет;
- повысить эффективность госуправления;
- создать условия для развития цифровой экономики и технологий;
- гарантировать реальную защиту прав и свобод граждан.

Понятие «персональные данные» в российском правовом поле предстает не как статичный, раз и навсегда определенный объект, а как динамическая категория, содержание которой наполняется в зависимости от технологического контекста и интерпретации правоприменителем. Эволюция его административно-правовой защиты демонстрирует поступательное движение

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2025 г. № 966 «Об утверждении Правил взаимодействия федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий, с операторами и взаимодействия государственной информационной системы, определенной в соответствии с частью 2 статьи 13.1 Федерального закона «О персональных данных», и информационных систем операторов» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 26. Ст. 3641.

² Проект федерального закона № 02/04/08-25/00159652 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий)» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/159652/> (дата обращения: 03.10.2025).

³ Руководитель Роскомнадзора Андрей Липов о цифровом суверенитете. URL: <https://iz.ru/1943288/izvestia/stran-s-cifrovym-suverenitetom-mense-cem-stran-s-adernym-oruziem> (дата обращения: 01.10.2025).

от закрепления базовых конституционных гарантий к построению сложной, многоуровневой системы, в которой государство играет ключевую и двойственную роль.

Список литературы

1. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для магистров 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 564 с.
2. Терещенко Л.К. Государственный контроль в сфере защиты персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 142-161.
3. Zyubanov K. The Scope of the Personal Data Concept in Russia // Legal Issues in the Digital Age, 4 (1). 53-76.

References

1. Bachilo, I.L. Informatsionnoe pravo: textbook for masters, 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2015. 564 p.
2. Tereshchenko, L.K. Gosudarstvennyi kontrol' v sfere zashchity personal'nykh dannykh. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2018. No. 4. Pp. 142-161.
3. Zyubanov, K. The Scope of the Personal Data Concept in Russia. Legal Issues in the Digital Age, 4(1). 53-76. <https://doi.org/10.17323/2713-2749.2023.1.53.76>

Информация об авторе (авторах): Боярский Ринат Николаевич, аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, (410056, Россия, Саратов, ул. Чернышевского, 104).

Information about the author: Boyarsky Rinat Nikolayevich, postgraduate student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy, (410056, Russia, Saratov, Chernyshevsky Str.,104).

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 27.10.2025; approved after 17.11.2025; review; accepted for publication 20.12.2025.

Научная статья
УДК 342.95
DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.005

Нормативное регулирование дисциплинарных взысканий в советский и современный периоды развития института государственной службы

М.Р. Махсунов

*Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
г. Махачкала, Российская Федерация
makhsunov1998@mail.ru*

Аннотация. Актуальность вопроса правовой регламентации применения дисциплинарных взысканий к государственным служащим определяется исключительной важностью надлежащего исполнения ими публичных функций. Данное обстоятельство признавалось как в советский период, так и в настоящее время. Цель статьи состоит в выявлении специфики нормативного регулирования дисциплинарных взысканий после Октябрьской революции 1917 г. Сделан вывод, что советский этап характеризуется пониманием дисциплинарных взысканий как особой группы мер, применяемых за нарушение служебной дисциплины, в то время как на современном этапе имеет место разграничение государственно-служебного и трудового законодательства, а нормативное регулирование дисциплинарных взысканий осуществляется множеством законодательных актов. Автор констатирует необходимость раскрытия понятия дисциплинарного взыскания в законодательстве о государственной службе, унификации порядка его назначения, установления законодательных гарантий защиты прав и интересов государственного служащего при применении взыскания.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, советский период, дисциплинарное взыскание, государственный служащий, служебная дисциплина.

Для цитирования: Махсунов М.Р. Нормативное регулирование дисциплинарных взысканий в советский и современный периоды развития института государственной службы // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 31–35.

Original article

Regulatory Framework for Disciplinary Actions in the Soviet and Modern Periods of Civil Service Development

M.R. Makhsunov

*North Caucasus Institute (branch) of VSUI (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Makhachkala, Russian Federation
makhsunov1998@mail.ru*

Abstract. The relevance of legal regulation of disciplinary sanctions against civil servants is determined by the exceptional importance of their proper performance of public functions. This circumstance was recognized both during the Soviet period and today. The purpose of this article is to identify the specifics of the regulatory framework for disciplinary sanctions after the October Revolution of 1917. It is concluded that the Soviet era characterized disciplinary sanctions as a specific group of measures applied for violations of official discipline, whereas in the modern era, a distinction is made between civil service and labor legislation, and the regulatory framework for disciplinary sanctions is implemented by a multitude of legislative acts. The author notes the need to clarify the concept of disciplinary sanctions in civil service legislation, standardize the procedure for their imposition, and establish legislative guarantees for the protection of the rights and interests of civil servants when applying sanctions.

Keywords: disciplinary responsibility, Soviet period, disciplinary action, civil servant, official discipline.

For citation: Makhsunov M.R. Regulatory Framework for Disciplinary Actions in the Soviet and Modern Periods of Civil Service Development // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 31–35.

В.М. Манохин считал необходимым выделять советский период, наряду с дореволюционным и российским, в качестве отдельного этапа исторического развития ин-

ститута государственной службы [1, с. 16].

Не является исключением и правовое регулирование дисциплинарных взысканий, претерпевшее с установлением советской власти существенные изменения. Недостаточный контроль на местах в первые годы после нее обусловил высокий уровень служебной халатности и, как следствие, необходимость скорейшего принятия новых нормативных актов, посвященных дисциплинарной ответственности служащих.

Так, 22 августа 1919 г. был утвержден Дисциплинарный устав для служащих Советской Рабоче-Крестьянской милиции¹. К перечню дисциплинарных взысканий согласно ему относились предостережение, выговор в строю и в приказе по милиции, наряд вне очереди до 10 суток, арест на срок до 10 суток; перемещение на низшую должность; увольнение со службы. Данный акт характеризовался ориентацией на персонализацию дисциплинарной ответственности служащего, поскольку при назначении взыскания должна быть учтена степень его вины, а также иные существенные обстоятельства.

3 мая 1920 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров был утвержден Декрет «О дисциплинарных и административных взысканиях, налагаемых на членов Исполнительных Комитетов и служащих в советских учреждениях»². В соответствии с данным актом, к взысканиям относились выговор, в том числе с опубликованием в печати, арест на срок до двух недель, перемещение на низшую должность. Факт применения взыскания вносился в личное дело служащего. Разграничены полномочия субъектов – коллегиальных органов различного уровня по наложению взыскания.

В 20-е годы XX века был также принят Декрет СНК РСФСР от 5 апреля 1921 г. «Положение о Дисциплинарных Товарищеских Судах»³, предусматривавший иные дисциплинарные взыскания. К ним относились замечание с предупреждением о последую-

щих мерах наказания, выговор с объявлением такового по предприятию, учреждению или в печати; понижение сдельно-премиального вознаграждения или натурпремии, вплоть до лишения его на известный период; отработка пропущенного времени сверхурочно и в праздничные дни с оплатой или без оплаты сверхурочного труда; приговор к разного рода урочным и внеурочным работам в пределах предприятия или учреждения; перемещение на низшую должность с оплатой низшей тарифной ставки на срок до трех месяцев; запрещение занимать выборные и ответственные должности в данном предприятии или учреждении на срок до шести месяцев; увольнение из предприятия или учреждения с лишением избирательных прав в союзных организациях на срок до шести месяцев с уведомлением об этом соответствующих органов; перевод на тяжелые принудительные работы без лишения свободы в том же предприятии или вне такового через Бюро принудительных работ на срок до шести месяцев, передача в концентрационный лагерь на срок до шести месяцев. При этом данный перечень был обозначен в качестве «примерного», и товарищеский суд был наделен правом «применять и другие виды наказания», «руководствуясь при этом соображениями о роли Дисциплинарного Товарищеского Суда, как производственно-воспитательного учреждения».

Действуя совместно, обозначенные нормативные акты противоречили друг другу, а систематизация норм в соответствующей сфере отсутствовала. Характеризуя состояние правового регулирования порядка применения дисциплинарных взысканий в обозначенный временной период, В.М. Манохин отмечал, что «из всех видов юридической ответственности осталась не урегулированной в самой своей основе дисциплинарная ответственность» [2, с. 59].

Значимым нормативным актом, определившим сущность дисциплинарной от-

¹ Дисциплинарный устав для служащих советской рабочей-крестьянской милиции (утратил силу) // ЦГИА РБ. Ф. 7-7262. Оп. 1. Д. 6. Л. 62-63.

² Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 26 апреля 1920 г. «О дисциплинарных и административных взысканиях, налагаемых на членов исполнительных комитетов и служащих в советских учреждениях» (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 32. Ст. 155.

³ Декрет СНК РСФСР от 5 апреля 1921 г. «Положение о Дисциплинарных Товарищеских Судах» (утратил силу) // СУ РСФСР. 1921. № 23-24. Ст. 142.

ветственности государственных служащих Советского Союза, послужило Постановление исполнительного комитета Совета народных комиссаров СССР «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 13 октября 1929 г.¹ Данный акт рассматривал нарушение служебных обязанностей как частный случай нарушения трудовой дисциплины. Таким образом, трудовое законодательство выступило в качестве источника правовой регламентации дисциплинарных взысканий. Объясняя причину данного подхода, можно руководствоваться суждением Ю.Н. Старилова, что «в будущем коммунистическом обществе, по прогнозу классиков марксизма-ленинизма, будет господствовать самоуправление трудящихся, и государственное управление, осуществляемое профессиональным чиновничьим аппаратом, станет излишним» [3, с. 256].

К служащим, в том числе должностным лицам государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий, а также к иным работникам советских предприятий и учреждений могли быть применены взыскания в виде замечания, выговора, смещения на низшую должность на срок не свыше одного года и увольнения. Тем не менее перечень данных взысканий закрытым не был, поскольку специальными законами, в том числе союзных республик, для отдельных категорий служащих могли устанавливаться иные взыскания, на что специально указывалось в п. 2 Постановления.

Подход законодателя к пониманию дисциплинарной ответственности в рамках трудового законодательства был сохранен в Типовых правилах внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих госу-

дарственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, утвержденных Постановлением Госкомтруда СССР от 12 января 1957 г. № 6². Соответствующий нормативный акт в дальнейшем неоднократно пересматривался. Так, 20 июля 1984 г. была принята новая редакция Типовых правил³, однако система дисциплинарных взысканий в них осталась прежней. Принятый 9 декабря 1971 г. Кодекс законов о труде РСФСР⁴ также установил, что за нарушение трудовой дисциплины рабочие и служащие несут ответственность в виде замечания, выговора, строгого выговора, перевода на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещения на низшую должность, увольнения.

При этом вопрос о применении дисциплинарных взысканий мог быть решен товарищеским судом, трудовым коллективом или общественной организацией в случае его передачи на их рассмотрение администрацией предприятия, учреждения, организации. Однако не было закреплено право служащего обжаловать применение дисциплинарного взыскания в судебном порядке.

Современный этап развития института дисциплинарных взысканий на государственной службе определяется принятием ряда нормативных актов, установивших подход к дисциплинарной ответственности государственных служащих как к самостоятельной разновидности юридической ответственности, регламентированной нормами административного права.

Так, Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе»⁵ закрепил понимание дисциплинарного взыскания как меры, применяемой к государственному служащему за неисполнение

¹ Постановление исполнительного комитета Совета народных комиссаров СССР «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 13 октября 1929 г. (утратил силу) // СЗ СССР. 1929. № 75. Ст. 723.

² Постановление Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы от 12 января 1957 г. № 6 «Об утверждении Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений» (утратил силу) // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1968. № 1.

³ Постановление Госкомтруда СССР от 20 июля 1984 г. № 213 «Об утверждении типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций» (утратил силу) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1985. № 1.

⁴ Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. ВС РСФСР 9 декабря 1971 г.) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.

⁵ Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе» (утратил силу) // САПП РФ. 1993. № 52. Ст. 5073.

и ненадлежащее исполнение им возложенных на него обязанностей, превышение должностных полномочий, а также за несоблюдение ограничений, связанных с государственной службой. Было установлено, к взысканиям относятся замечание, выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, понижение в должности, увольнение с государственной службы.

Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации»¹, в дальнейшем утративший силу, содержал несколько иной перечень взысканий, общий для всех государственных служащих. К ним были отнесены замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение. При этом по вопросам порядка их применения и обжалования предполагалось принятие отдельного федерального закона.

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»² уже не упоминает о дисциплинарных взысканиях. Каждый из видов государственной службы в настоящее время характеризуется специфическим перечнем взысканий, применяемых к служащим, а также правилами их назначения.

В науке высказывается позиция о том, что дисциплинарные взыскания, применяемые к государственным служащим, составляют систему как внутренне организованное единство, предполагающее их определенную последовательность и взаимосвязь, расположение по степени тяжести [4, с. 41]. В то же время о наличии системы можно говорить лишь в рамках отдельных видов государственной службы, поскольку регулирование взысканий осуществляется множеством разрозненных законодательных актов. При этом определение дисциплинарного взыскания и его целей в законодательстве отсутствует.

Подводя итог, можно сделать вывод, что советский этап характеризуется пониманием дисциплинарных взысканий как особой

группы мер, применяемых за нарушение служебной дисциплины. Первоначально разрозненные нормативные акты, посвященные регламентации их применения в различных отраслях государственного управления, уступили место систематизированному законодательству о дисциплинарной ответственности. В то же время особенностью советского нормативного регулирования дисциплинарных взысканий выступало объединение норм административного и трудового права, что было обусловлено рассмотрением служебной деятельности как разновидности трудовой.

Современный этап характеризуется разграничением государственно-служебного и трудового законодательства в аспекте применения к государственным служащим дисциплинарных взысканий. Их нормативное регулирование в настоящее время осуществляется множеством законодательных актов. Каждый из видов государственной службы характеризуется специфическим перечнем взысканий и порядком их назначения. При этом отсутствует нормативно закрепленное определение дисциплинарного взыскания, его целей, а судить о системе дисциплинарных взысканий на государственной службе не представляется возможным. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы», выступая основополагающим нормативным актом в соответствующей сфере, тем не менее не содержит каких-либо упоминаний о дисциплинарных взысканиях. В то же время декларированный им принцип единства государственной службы обуславливает актуальность дополнения его норм с учетом исторического опыта развития института дисциплинарных взысканий. Так, помимо раскрытия понятия дисциплинарного взыскания, представляется возможным решение вопроса об определенной степени унификации порядка его назначения, в том числе установление законодательных гарантий защиты прав и интересов государственного служащего при применении взыскания.

¹ Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

² Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 29 сентября 2025 г.) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; 2025. № 40. Ст. 5820.

Список литературы

1. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Юрист, 1997. 296 с.
2. Манохин В.М. Проблемы административного права в свете решений XXVI съезда КПСС // Тезисы докладов Всесоюзного научно-координационного совещания «XXVI съезд КПСС и задачи дальнейшего развития юридической науки» 19-21 октября 1981 г. / Академия наук СССР; Научный Совет «Закономерности развития государства, управления и права» АН СССР; Министерство высшего и среднего специального образования СССР. М., 1981. С. 58-61.
3. Стариков Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 2, кн. 1: Субъекты. Органы управления. Государственная служба. Воронеж: Изд.-во Воронежского государственного университета, 2001. 624 с.
4. Лещина Э.Л. Система дисциплинарных взысканий, применяемых к государственным служащим Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 40-50.

References

1. Manokhin V.M. Service and Employee in the Russian Federation: Legal Regulation. Moscow: Jurist, 1997. 296 p.
2. Manokhin V.M. Problems of administrative law in light of the decisions of the 26th Congress of the CPSU // Abstracts of reports of the All-Union Scientific Coordination Conference «The 26th Congress of the CPSU and the tasks of further development of legal science» October 19-21, 1981 / USSR Academy of Sciences; Scientific Council «Patterns of Development of the State, Administration and Law» of the USSR Academy of Sciences; Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the USSR. Moscow, 1981. P. 58-61.
3. Starilov Yu.N. Administrative Law: in 2 parts. Part 2, Book 1: Subjects. Governing Bodies. Civil Service. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2001. 624 p.
4. Leshchina E.L. System of Disciplinary Sanctions Applied to Civil Servants of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. № 1. P. 40-50.

Информация об авторе: Махсунов Магомед Раджабович, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (367009, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Агасиева, д. 7).

Information about the author(s): Makhsunov Magomed Radjabovich, teacher of the Department of State Legal Disciplines of the North Caucasus Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (367009, Republic of Dagestan, Makhachkala, Agasieva St., 7).

Статья поступила в редакцию 28.10.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 28.10.2025; approved after 30.11.2025; review; accepted for publication 20.12.2025.

Научная статья

УДК 342.95

DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.006

Административная ответственность как средство обеспечения законности в сфере публичных закупок

К.А. Никитин

Саратовская государственная юридическая академия,

Саратов, Российская Федерация

advokat@nikitin-kirill.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению признаков административной ответственности в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. Административная ответственность как средство обеспечения законности в сфере публичных закупок, обладая общими чертами, присущими соответствующему виду юридической ответственности, имеет свою специфику, которая проявляется в содержании ее отдельных элементов, несистематизированном характере. Автор констатирует, что специфика административной ответственности в рассматриваемой сфере проявляется в родовом объекте правонарушений, в качестве которого выступает установленный порядок административных процедур закупок. Общественная вредность деяний в сфере контрактной системы выражается в угрозе обеспечению законности процедур закупок, эффективности, результативности, гласности и прозрачности их осуществления. Сделан вывод о том, что административная ответственность в сфере контрактной системы отличается отсутствием систематизации составов противоправных деяний, в связи с чем необходимо их обособление в рамках отдельной главы КоАП РФ.

Ключевые слова: контрактная система, административная ответственность, закупки, административный штраф, административные наказания, государственные нужды.

Для цитирования: Никитин К.А. Административная ответственность как средство обеспечения законности в сфере публичных закупок // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 36–41.

Original article

Administrative responsibility as a means of ensuring legality in the field of public procurement

K.A. Nikitin

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russian Federation

advokat@nikitin-kirill.ru

Abstract. This article examines the characteristics of administrative liability in the procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. Administrative liability, as a means of ensuring legality in public procurement, shares the general characteristics inherent in this type of legal liability in principle. However, it has its own specific features, which manifest themselves in the content of its individual elements and its unsystematic nature. The author concludes that the specific nature of administrative liability in this area is manifested in the generic object of offenses, which is the established order of administrative procurement procedures. The social harm caused by actions within the contract system is expressed in the threat to the legality, efficiency, effectiveness, openness, and transparency of procurement procedures. It is concluded that administrative liability within the contract system is characterized by a lack of systematization of the elements of illegal acts, which necessitates their classification within a separate chapter of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: contract system, administrative responsibility, procurement, administrative fine, administrative penalties, government needs.

For citation: Nikitin K.A. Administrative responsibility as a means of ensuring legality in the field of public procurement // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 36–41.

Общественные отношения, складывающиеся в рамках сферы регулирования
Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере

закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Закон № 44-ФЗ), требуют правовой защиты от различного рода правонарушений, посягающих на установленный порядок процедур закупок. Ключевая роль принадлежит мерам юридической ответственности. Лица, виновные в нарушении нормативных правовых актов о контрактной системе, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность.

Административная ответственность в сфере контрактной системы прежде всего характеризуется наличием черт, присущих соответствующему виду юридической ответственности в принципе. Фактическое основание ее наступления – совершение административного правонарушения, то есть, противоправного, виновного действия (бездействия) физического или юридического лица².

Она выражается в применении специальных мер административного принуждения – административных наказаний, реализация которых влечет для правонарушителей наступление различного рода правовых ограничений.

Административные наказания в большинстве случаев назначаются государственными органами и учреждениями исполнительной власти или коллегиальными органами. В то же время компетенцией по рассмотрению дел об административных правонарушениях обладают и суды.

К административной ответственности могут быть привлечены физические и юридические лица. При этом она может наступать не только за нарушение административно-правовых норм, но и положений иных отраслей права.

Компетенцией по установлению административной ответственности обладают Российская Федерация и ее субъекты, в законодательных актах которых закреплены составы деяний, связанных с нарушением региональных и муниципальных

нормативных правовых актов.

Перечисленные признаки позволяют определить административную ответственность как вид юридической ответственности, установленный КоАП РФ и законами субъектов РФ, выраженный в применении компетентными органами административной юрисдикции и должностными лицами к субъектам, виновным в совершении административного правонарушения, административных наказаний, влекущих для них наступление негативных последствий [3, с. 9].

Однако административная ответственность как средство обеспечения законности в сфере публичных закупок обладает и специфическими признаками.

Прежде всего, это общественные отношения, подлежащие правовой защите. Понятие контрактной системы закреплено в Законе № 44-ФЗ, в то время как нормы КоАП РФ не содержат какой-либо отдельной главы, в которой были бы отражены все составы правонарушений в сфере контрактной системы. В основном соответствующие статьи сосредоточены в главе «Административные правонарушения в области охраны собственности», а также в главе «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций».

При этом рассмотрение положений статей, закрепляющих составы противоправных деяний в сфере контрактной системы, позволяет сделать вывод о том, что они имеют собственный родовый объект, посягая на установленный порядок административных процедур закупок, в связи с чем их размещение в рамках иных глав некорректно. Стоит отметить, что положительный пример правового закрепления норм об ответственности в рассматриваемой сфере имеет место в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации. Например, Кодекс Московской области об админи-

¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 26 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652. 2024. № 53. Ч. 1. Ст. 8504.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 4 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1; 2025. № 45. Ст. 6714.

стративных правонарушениях от 4 мая 2016 года № 37/2016-ОЗ¹ включает отдельный раздел «Административные правонарушения в сфере планирования закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и исполнения обязательств по государственным и муниципальным контрактам».

Административные правонарушения в сфере контрактной системы, как правило, совершаются в форме действия, которое влечет наступление общественно вредных последствий. Однако в науке существует точка зрения, что административное правонарушение является общественно опасным деянием, как и преступление, отличаясь от него степенью общественной опасности [5, с. 278] [6, с. 87] [7, с. 28].

Действительно, некоторые деяния в сфере контрактной системы в зависимости о наличия тех или иных последствий могут быть квалифицированы не как административные правонарушения, а как преступления. Например, нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе, если это деяние было совершено из корыстной заинтересованности и причинило крупный ущерб, влечет наступление уголовной ответственности по ст. 200.4 УК РФ. В случае повторного совершения правонарушения, выразившегося в нарушении условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа, соответствующее лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 201.2 УК РФ. Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 1 или 2 ст. 7.30.3 КоАП РФ, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для его выполнения, если их заключение является обязательным в соответствии с федеральным законом, влечет наступление уголовной ответственности по ст. 201.3 УК РФ².

В то же время вряд ли можно согласить-

ся с позицией, что признак общественной опасности является общим для административных правонарушений и преступлений. Иное означало бы отсутствие существенных различий между ними. В данной связи стоит признать обоснованной точку зрения В.М. Манохина и Ю.С. Адушкина, согласно которой применение признака общественной опасности ко всем правонарушениям ставит вопрос о границах этого понятия [9, с. 54-55]. Мнения о рассмотрении общественной опасности как признака, позволяющего отграничить преступления от всех иных правонарушений, в том числе, административных, придерживаются и иные авторы [10, с. 37].

Выделение общественной вредности как обязательного признака правонарушения в наибольшей степени позволяет отразить его сущность. В сфере контрактной системы она выражается в угрозе ее нормального функционирования.

Необходимо учитывать и закрепленные в ст. 1 Закона № 44-ФЗ, задачи контрактной системы, основываясь на которых общественную вредность деяний в сфере контрактной системы можно рассматривать как угрозу обеспечению законности процедур закупок, а также эффективности, результативности, гласности и прозрачности их осуществления.

Применительно к административным правонарушениям в сфере контрактной системы субъекты ответственности представлены коллективными и индивидуальными. Они, в свою очередь, могут быть разграничены на общих, специальных и особых [11, с. 184]. В рассматриваемой сфере общими субъектами являются физические, а также юридические лица. В числе специальных субъектов – физических лиц следует отметить должностных лиц, которые несут ответственность за совершение правонарушений в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих должностных обязанностей. К специальным субъектам – юридическим лицам относятся, в частности, заказчик, специ-

¹ Кодекс Московской области об административных правонарушениях от 4 мая 2016 г. № 37/2016-ОЗ // Ежедневные Новости. Подмосковье. № 91. 2016.24. мая..

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 мая 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; СЗ РФ. 2025. № 47. Ст. 7048.

ализированная организация, поставщик (исполнитель, подрядчик). Особыми субъектами могут быть признаны юридические лица, прошедшие реорганизацию. Особый статус в аспекте привлечения к ответственности имеют и предприниматели, осуществляющие деятельность без образования юридического лица, поскольку по общему правилу они несут ответственность как должностные лица.

В качестве субъектов правонарушений прежде всего выступают государственные и муниципальные заказчики. Однако для организации закупочного процесса заказчик назначает должностное лицо, ответственное за осуществление закупки, или создает контрактные службы. Лица, выполняющие функции по организации и осуществлению закупок, являются специальными субъектами административного правонарушения и несут административную ответственность как должностные лица.

Субъективная сторона правонарушений в рассматриваемой сфере характеризуется как умышленной формой вины, так и неосторожностью. Отдельные составы деяний могут быть совершены лишь умышленно – например, отказ или уклонение поставщика, занимающего в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа доминирующее положение, от заключения договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа, если заключение такого договора является обязательным (ч. 3 ст. 7.30.3 КоАП РФ).

Следует отметить, что отдельные административные правонарушения в сфере контрактной системы могут совершаться юридическими лицами. В связи с этим при привлечении к административной ответственности нельзя не учитывать специфику определения их вины. По определению Н.М. Кониной, состав административного правонарушения, совершенного физическим лицом, включает в себя четыре элемента, а правонарушения, совершенного юридическим лицом – три [12, с. 18]. Это обусловлено тем, что согласно ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что у него

имелась возможность для соблюдения соответствующих норм, но им не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению. В этом смысле вина юридического лица выступает как составная часть объективной стороны административного правонарушения. Психологический момент отношения правонарушителя к совершению деяния в данном случае остается без внимания [13, с. 115].

За нарушения законодательства о контрактной системе в настоящее время назначаются штрафы. Как ранее отмечали В.В. Кожевников, Ю.Б. Лавров, «штрафные санкции по ряду административных правонарушений, связанных с порядком осуществления публичных закупок, далеко не всегда соразмерны общественному вреду, который образуется в результате их совершения» [14, с. 80]. Данный недостаток устранен, законодателем произведена замена абсолютно определенных штрафных санкций на относительно определенные.

Предупреждение как вид наказания установлен за ряд деяний в сфере контрактной системы. Также в силу того, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии со своей компетенцией принимают правовые акты, регулирующие отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд [1], меры административной ответственности за их нарушение установлены в соответствующих законодательных актах регионального уровня. При этом за нарушение регионального законодательства могут применяться лишь предупреждение или административный штраф.

Также отдельные деяния в сфере контрактной системы подразумевают наличие специфического повода для возбуждения дела. Согласно ст. 28.1 КоАП РФ, таким поводом для отдельных статей КоАП РФ выступает неисполнение в установленный срок требования федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по государственному контролю (надзору) в сфере государственного оборонного заказа, о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения законодательства в сфере госу-

дарственного оборонного заказа, а также принятие комиссией данного органа решения, которым установлен факт нарушения законодательства Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа. Им в настоящее время является Федеральная антимонопольная служба.

Таким образом, административная ответственность как средство обеспечения законности в сфере публичных закупок,

обладая общими чертами, присущими соответствующему виду юридической ответственности в принципе, имеет свою специфику, которая проявляется в содержании ее отдельных элементов, несистематизированном характере. Правовое регулирование ответственности в данной сфере необходимо для обеспечения законности процедур закупок, эффективности, результативности, гласности и прозрачности их осуществления.

Список литературы

1. Соколов А.Ю. Административная ответственность в Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. 148 с.
2. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. М.: Норма, 2008. 992 с.
3. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М.: Юрист, 1999. 728 с.
4. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учебное пособие. М.: Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. 119 с.
5. Административная ответственность в СССР / под ред. В.М. Манохина, Ю.С. Адушкина. Саратов: Изд-во СГУ, 1988. 167 с.
6. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.
7. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. Саратов: М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
8. Конин Н.М. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 448 с.
9. Кротов К.С. Административная ответственность за правонарушения в сфере защиты конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 249 с.
10. Кожевников В.В., Лавров Ю.Б. О соразмерности мер административной ответственности общественному вреду, причиняемому нарушениями законодательства о публичных закупках // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. №. 2. С. 77-81.

References

1. Sokolov A.YU. Administrativnaya otvetstvennost' v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2014. 148 s.
2. Administrativnoe pravo: uchebnik / pod red. L.L. Popova, M.S. Studenikinoj. M.: Norma, 2008. 992 s.
3. Administrativnoe pravo: uchebnik / pod red. YU.M. Kozlova, L.L. Popova. M.: YUrist», 1999. 728 s.
4. Lyapunov Yu.I. Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak universal'naya kategoriya sovetskogo ugolovno go prava: uchebnoe posobie. M.: Izd-vo VYUZSH MVD SSSR, 1989. 119 s.
5. Administrativnaya otvetstvennost' v SSSR / pod red. V.M. Manohina, YU.S. Adushkina. Saratov: Izd-vo SGU, 1988. 167 s.
6. Epifanova E.V. Obshchestvennaya opasnost' kak nauchnaya kategoriya, zakonodatel'naya definiciya: istoriya i sovremennost': monografiya. M.: Yurlitinform, 2012. 152 s.
7. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. A.Yu. Sokolova. Saratov: M.: Norma: INFRA-M, 2018. 352 s.
8. Konin N.M. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2010. 448 s.
9. Krotov K.S. Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya v sfere zashchity konkurencii : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2020. 249 s.
10. Kozhevnikov V.V., Lavrov Yu.B. O sorazmernosti mer administrativnoj otvetstvennosti obshchestvennomu vreau, prichinyaemomu narusheniyami zakonodatel'stva o publicznyh zakupkah // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2017. T. 14. №. 2. S. 77-81.

Информация об авторе: Никитин Кирилл Анатольевич, аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского Н.Г., д. 104).

Author information: Nikitin Kirill Anatolyevich, graduate student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (410056, Russia, Saratov, st. Chernyshevsky N.G., 104).

Статья поступила в редакцию 02.11.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 02.11.2025; approved after 04.12.2025; review; accepted for publication 20.12.2025.

Разграничение «соседского права» и сервитута: пределы осуществления права собственности и ограниченные вещные права

Л.А. Сафутдинова¹

Уфимский университет науки и технологий

Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В материале автор обосновывает необходимость четкого разграничения пределов осуществления права собственности в интересах соседей и сервитутов как ограниченных вещных прав, исходя из нормативных конструкций ГК РФ и ЗК РФ, а также тенденций правоприменения. Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой анализ, позволяющие выделить критерии дифференциации по правовой природе, субъектному составу, основаниям и процедурам установления, а также по правовым последствиям и способам защиты. Показано, что частный сервитут допустим как средство «ultima ratio» при невозможности удовлетворить законные интересы иными способами, должен оформляться с соблюдением принципов разумности, соразмерности и минимального бремени для служащего участка и подлежит государственной регистрации; в то время как «соседское право» действует непосредственно, закрепляя стандарты добрососедства без формирования вещного господства у третьего лица.

Ключевые слова: соседское право, частный сервитут, публичный сервитут, отрицательный сервитут, пределы осуществления права собственности, добрососедство, минимальное бремя, государственная регистрация, разумность, соразмерность.

Для цитирования: Сафутдинова Л.А. Разграничение «соседского права» и сервитута: пределы осуществления права собственности и ограниченные вещные права // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 42–45.

Original article

Distinction between «neighborhood law» and easement: limits on the exercise of property rights and limited property rights

L.A. Safutdinova

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russian Federation

Abstract. In the material, the author justifies the need for a clear distinction between the limits of the exercise of property rights in the interests of neighbors and easements as limited property rights, based on the regulatory design of the Civil Code of the Russian Federation and the CC of the Russian Federation, as well as trends in law enforcement. The methodological basis is a formal-legal and comparative-legal analysis, which makes it possible to distinguish the criteria for differentiation by legal nature, subject composition, grounds and procedures for establishing, as well as by legal consequences and methods of protection. It is shown that a private easement is permissible as a means of ultima ratio if it is impossible to satisfy legitimate interests in other ways, must be drawn up in compliance with the principles of reasonableness, proportionality and minimum burden for the employee of the site and is subject to state registration; while «neighborhood law» acts directly, enshrining standards of good neighborliness without forming material domination in a third party.

Keywords: neighborhood law, private easement, public easement, negative easement, limits on the exercise of property rights, good neighborliness, minimum burden, state registration, reasonableness, proportionality.

For citation: Safutdinova L.A. Delimitation of «neighbor law» and easement: limits on the exercise of property rights and limited property rights // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 42–45.

¹ Научный руководитель – М.С. Шайхуллин, профессор кафедры экологического и трудового права Института права Уфимского университета науки и технологий; профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Нормативное разграничение ограниченных правомочий собственника в интересах смежных землевладельцев и сервитутов как ограниченных вещных прав имеет ключевое значение для единообразия правоприменения и защиты прав участников оборота недвижимости. В условиях активной трансформации земельных отношений повышается конфликтность соседского взаимодействия, что выдвигает на первый план корректную квалификацию правового инструментария. Российская модель опирается на Гражданский кодекс Российской Федерации (глава 17 ГК РФ) и Земельный кодекс Российской Федерации, где презюмируется дуализм публичных и частных сервитутов, при этом нормы о «негативных» (отрицательных) сервитутах отсутствуют, а требования к соседскому поведению разобщены по ряду отраслевых регулятивов. В такой конфигурации от выбора конструкции зависит состав юридических фактов, доказательственный стандарт и процедура защиты: для сервитута — соглашение или судебное решение с последующей государственной регистрацией; для соседских ограничений — непосредственное действие закона, обеспечиваемое обязательственно-вещными исками в пределах разумности и добрососедства¹.

Содержательно «соседские ограничения» представляют собой легальные пределы правомочий собственника, направленные на предотвращение ущерба правам и законным интересам смежных владельцев и обеспечивающие баланс пользования недвижимостью. В доктрине подчёркивается, что данные пределы не формируют у соседа самостоятельного вещного господства над чужой вещью и потому не сводимы к сервитуту: собственник служащего участка лишь обязан воздерживаться от избыточного воздействия, выходящего за допустимые пределы соседства. Напротив, сервитут влечёт возникновение абсолютного вещного права у сервитуария с признаком следования за обременённой недвижимостью и с опре-

делённой, целевой мерой пользования (проезд, проезд, прокладка и обслуживание сетей, эксплуатация инфраструктуры и т.п.), не затрагивающей владение. Тем самым различается правовая природа: пределы осуществления права собственности — это стеснение существующего права собственника; сервитут — это установление нового субъективного права иного лица на чужую недвижимость².

Вопрос о месте «отрицательных» сервитутов (обязывающих собственника служащего участка не совершать определённых действий, например, не превышать высоту застройки, не ухудшать световой режим или вид) остаётся дискуссионным. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» фиксирует целесообразность дифференциации сервитутов на положительные и отрицательные и указывает на пробел в действующем регулировании вещных прав, предлагая направления его устранения (п. 5.2). Тем не менее приоритетом на уровне конструктивной техники нередко признаётся именно нормативное оформление соседских пределов как самостоятельного института частного права, поскольку многие конфликтные ситуации (инсоляция, водоотведение, охрана видов, шум и эмиссии) решаются через горизонтальные обязанности воздержания без предоставления соседу вещного доступа к чужому участку.

Публичные и частные сервитуты различаются по целям, субъектному составу и процедурам. Публичный сервитут служит удовлетворению общественных потребностей, вводится уполномоченным органом публичной власти, оформляется административным актом и подлежит государственной регистрации; его правовой режим закреплён, в частности, в статьях 39.38 и 48 ЗК РФ³. Частный сервитут предназначен для обеспечения необходимых нужд конкретного титульного владельца господствующего объекта, устанавливается соглашением или по решению суда и также

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.11.2025).

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07 октября 2009 г.) // [Электронный ресурс].

³ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.11.2025).

подлежит регистрации. В отличие от этого, соседские пределы не предполагают участия публичного субъекта, формально не создают обременения в пользу определённого лица и реализуются через непосредственное действие закона при оценке соразмерности поведения смежных собственников.

Установление частного сервитута допустимо, когда законные интересы титульного владельца не могут быть удовлетворены иным способом. Судебный контроль сосредоточен на критериях необходимости и минимальности бремени для служащего участка: при наличии альтернатив суд должен предпочесть наименее обременительный вариант прохождения сервитутной полосы, ориентируясь на техническую возможность, безопасность, сохранность хозяйственного назначения и разумное соотношение пользы и ущерба. В практике подчёркивается, что проект сервитута должен быть обоснован экспертно и картографически; при несоразмерности предложенного варианта иск об установлении сервитута подлежит отклонению. Показателен спор о доступе к участку, разрешённый с определением наименее обременительного пути проезда Коломенским городским судом Московской области, где суд, сопоставив маршруты, выбрал конфигурацию, минимально затрагивающую интересы собственника служащего участка¹.

Экспертные заключения по землеустроительным, кадастровым, инженерным вопросам имеют ключевое доказательственное значение: суд сопоставляет варианты трассировки сервитута, площади сервитутной полосы, влияние на режим использования участка и возможности технического обхода препятствий. Принцип соразмерности требует, чтобы истребуемое ограниченное пользование обеспечивало именно «необходимые нужды» сервитуария, не превращаясь в неоправданно широкое изъятие полезных свойств чужой недвижимости.

При возникновении сервитута по решению суда определяется плата: она исчисляется с учётом площади, срока, интенсивности использования, снижения полезности участка и иных факторов; допускается как единовременная, так и периодическая фор-

ма. Переход прав на обременённый объект не прекращает сервитута в силу признака следования, если иное прямо не предусмотрено законом или соглашением [1, с. 115].

Основания прекращения сервитута сформулированы в статье 276 ГК РФ: отпадение условий, послуживших мотивом установления, объективная невозможность использования недвижимости по целевому назначению и иные предусмотренные законом случаи. Обзор судебной практики, утверждённый Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 года, акцентирует внимание на том, что прекратить сервитут вправе как собственник обременённого участка, так и сервитуарий; вместе с тем неисполнение обязанности по внесению платы квалифицируется как нарушение обязательства и само по себе не влечёт прекращения вещного права, подлежит самостоятельной защите и взысканию задолженности. Такая позиция последовательно поддерживает разграничение вещно-правовой и обязательственной плоскостей регулирования: санкции за неуплату платы реализуются посредством исков о взыскании, не подменяя собой вещно-правовые критерии прекращения обременения.

Сопоставление сервитута с «соседским правом» выявляет критические различия по субъектному составу и способам защиты. Сервитуарий — определённое лицо (собственник господствующего объекта или обладатель иного вещного титула), наделённое вещным правом пользования частью чужого имущества в установленных пределах. Соседские пределы адресованы неопределённому кругу смежных владельцев и членов их семей и закрепляют стандарты допустимого поведения, исполнимые через негативные требования и требования о пресечении нарушений права собственности, но не создают у соседа права господства над чужой вещью. В силу этого поглощение соседских пределов институтом сервитутов методологически неверно: их цели, правовые режимы и процессуальные траектории различны [2, с. 44].

Сравнительно-правовой аспект подтверждает, что в германо-австрийской традиции фиксация соседских обязанностей и отрицательных сервитутов выстроена си-

¹ Решение Коломенского городского суда Московской области по делу № 2-2867 // [Электронный ресурс].

стемно, тогда как французское право нередко использует конструкцию «легальных сервитутов» для решения сходных задач. Для российского правопорядка, учитывая специфику земельно-строительного регулирования и публичных ограничений, более последовательной видится следующая коррекция: во-первых, кодификация соседских пределов как самостоятельного института частного права; во-вторых, аккуратная имплементация отрицательных сервитутов для тех ситуаций, когда необходимо закрепить обязанность не совершать определённых действий в интересах конкретного господствующего объекта [3, с. 155]. Такое решение упорядочит взаимодействие ГК РФ и ЗК РФ, укрепит предсказуемость судебной практики и снизит транзакционные издержки согласования доступа, прохождения коммуникаций и режимов застройки [4, с. 138].

Разграничение можно сформулировать следующим образом. «Соседское право» —

это система легальных пределов осуществления права собственности, действующая непосредственно и обеспечивающая баланс интересов при смежном пользовании земельными участками и объектами недвижимости; оно реализуется через запреты и обязанности воздержания, не создаёт у соседа вещного господства, применимо к неопределённому кругу адресатов и опирается на критерии разумности и соразмерности. Сервитут — это ограниченное вещное право, удовлетворяющее необходимые нужды конкретного субъекта посредством строго очерченного доступа к служащему участку; оно возникает по соглашению или по решению суда, подлежит регистрации, снабжено признаком следования и прекращается по основаниям, предусмотренным законом. Устойчивое проведение этой границы — залог справедливого распределения бремени собственности и единообразия правоприменения.

Список литературы

1. Кузьмина И.Д. Соседские права как способ обеспечения баланса интересов собственников соседствующей недвижимости // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 115-127.
2. Мусалов М.А. Институт отрицательного сервитута в современной правовой доктрине России // Аграрное и земельное право. 2022. № 4(208). С. 44-48.
3. Федоренко С.А., Сметана Н.В. Способы регулирования права на «вид и свет»: отечественный опыт и зарубежная практика // Право и практика. 2022. № 4. С. 155-160.
4. Хуртов М.С. Понятие и правовая природа соседских правоотношений в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-3. С. 138-140.

References

1. Kuz'mina I.D. Sosedskie prava kak sposob obespecheniya balansa interesov sobstvennikov sosedstvuyushchej nedvizhimosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2023. № 48. S. 115-127.
2. Musalov M.A. Institut otricatel'nogo servituta v sovremennoj pravovoj doktrine Rossii // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2022. № 4(208). S. 44-48.
3. Fedorenko S.A., Smetana N.V. Sposoby regulirovaniya prava na «vid i svet»: otechestvennyj opyt i zarubezhnaya praktika // Pravo i praktika. 2022. № 4. S. 155-160.
4. Hurto M.S. Ponyatie i pravovaya priroda sosedskih pravootnoshenij v Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2023. № 1-3. S. 138-140.

Информация об авторе (авторах): Сафутдинова Лиана Альбертовна, студент Института права Уфимского университета науки и технологий (450005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского д. 131).

Information about the author(s): Safutdinova Liana Albertovna, student of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (131 Dostoevsky St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005).

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 16.10.2025; approved after 28.11.2025 review; accepted for publication 20.12.2025.

Особенности наследования прав на учетные записи (аккаунты)

Г.Б. Хазиева

*Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия
Yumadilova212@gmail.com*

А.Б. Тутукова

*Нотариальная контора г. Тюмени,
Тюмень, Россия
Asel_@mail.ru*

Аннотация. В рамках научной статьи исследуется наследование прав на онлайн-аккаунты умерших людей в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», определяются особенности онлайн-аккаунтов для целей наследования. В материале формулируются выводы и предложения по разрешению вопросов наследования прав на учетные записи (аккаунты), а именно, выявлены признаки аккаунтов как объектов гражданских прав, предложена классификация аккаунтов как объектов гражданских прав, обосновывается, что в наследственную массу должны включаться право доступа к учетной записи наследодателя, которое переходит в совместное владение и пользование наследников, а также включаться права на произведения интеллектуальной деятельности, хранящиеся в учетной записи на сервере оператора. Предлагается установить порядок совершения завещательного распоряжения гражданином путем обращения к оператору сервиса на право доступа к своей учетной записи и предусмотреть право гражданина определять самому пределы доступности своей информации, хранящейся в учетной записи.

Ключевые слова: онлайн-аккаунты, учётная запись, наследование прав на онлайн-аккаунты, наследование прав на доступ к учетной записи, наследственная масса.

Для цитирования: Хазиева Г.Б., Тутукова А.Б. Особенности наследования прав на учетные записи (аккаунты) // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 46–52.

Original article

Features of inheritance of rights to accounts (accounts)

G.B. Khazieva

*Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia
Yumadilova212@gmail.com*

A.B. Tutukova

*Notary office of Tyumen,
Tyumen, Russia
Asel_@mail.ru*

Abstract. The scientific article examines the inheritance of rights to online accounts of deceased people in various services of the Internet information and telecommunication network, and determines the features of online accounts for inheritance purposes. The material formulates conclusions and proposals for resolving issues of inheritance of rights to accounts (accounts), namely, signs of accounts as objects of civil rights were revealed, classification of accounts as objects of civil rights was proposed, it is justified that the hereditary mass should include the right to access the testator's account, which passes into the joint possession and use of the heirs, as well as include the rights to works of intellectual activity stored in the account on the operator's server. It is proposed to establish the procedure for making a probate order by a citizen by contacting the service operator for the right to access his account and provide for the citizen's right to determine the very limits of the availability of his information stored in the account.

Keywords: online accounts, account, inheritance of rights to online accounts, inheritance of rights to access an account, hereditary mass.

For citation: Khazieva G.B., Tutukova A.B. Features of inheritance of rights to accounts (accounts) // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 46–52.

На сегодняшний день вопросы наследования прав на аккаунты умерших людей в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» являются особенно актуальными. Актуализации таких вопросов сподвигли различные процессы, в том числе, цифровизации деятельности человека, где практически каждый имеет какое-либо имущество в виртуальной форме (к таким относятся цифровые учетные записи, доменные имена, криптовалюты и др.).

Различные онлайн-платформы в связи с появлением практики заявлений наследников о предоставлении доступа к учетным записям наследодателей, предпринимают действия по урегулированию данных вопросов путем установления новых условий в пользовательских соглашениях, и соответствующих функций по управлению учетными записями. Так, например, компания «Apple» в 2021 году предоставила возможность своим пользователям, которые хранят информацию (фото, видео - материалы, текстовые документы, заметки и другое) в iCloud-аккаунтах сервера, выбрать до пяти наследников, которые получат доступ к их учетным записям после смерти собственника аккаунта. Цифрового наследника («Digital Legacy») собственник iCloud-аккаунта может выбрать в настройках телефонного устройства компании «Apple» в одной из последних версий операционной системы компании¹.

Вместе с этим, на сегодня в российском законодательстве не урегулированы вопросы, связанные с наследованием прав на онлайн-аккаунты умерших людей в различных сервисах сети «Интернет» (онлайн-платформы социальных сетей). Кроме того, в юридической науке сложились различные мнения по поводу правовой природы онлайн-аккаунтов в целях наследования прав на данные объекты, где мнения ученых разделились, что подлежит наследованию: учетные записи в качестве цифрового актива; аккаунты в качестве

объекта интеллектуальной собственности (в качестве сложного объекта либо составного объекта, или наследование каждого самостоятельного охраноспособного объекта (например, фотографическое произведение в отдельности, хранящееся в учетной записи); наследование права на цифровой доступ к учетной записи умершего; также мнение, что в целом наследованию не подлежат аккаунты (учетные записи), а подлежат только цифровое имущество, хранящееся в учетной записи наследодателя.

Важно отметить, что исследование материалов судебной российской практики показало отсутствие на сегодня решений судов по вопросам, связанным с наследованием прав на онлайн-аккаунты умерших людей в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В зависимости от определения правовой природы учетных записей для целей наследования будут решены вопросы о возможности извлечения прибыли наследниками от использования, распоряжения онлайн-аккаунтом наследодателя, о правовом режиме собственности наследников на онлайн-аккаунты, об установлении возможности при разделе наследства преимущественного права на получение наследником в счет своей наследственной доли входящего в состав наследства онлайн-аккаунта, принадлежащего умершему.

Вопросы, связанные с наследованием прав на онлайн-аккаунты умерших людей в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», также осложнены действующей политикой социальных сетей о не предоставлении доступа к учетной записи умершего в виду соблюдения тайны переписки, обеспечения защиты персональных данных, а также в виду наличия обязательственных отношений, возникших в результате заключенного пользовательского соглашения между оператором социальной сети и умершего владельца учетной записи.

Так, по гражданскому законодатель-

¹ См: Apple скоро позволит передавать данные iCloud после вашей смерти. URL: <https://www.theverge.com/2021/11/10/22774873/apple-digital-legacy-program-comes-to-ios15-iphones-macs> (дата обращения: 01.09.2025).

ству перечень объектов гражданских прав является открытым в Российской Федерации. К таким из одних сравнительно новых объектов гражданских прав относятся и онлайн-аккаунты в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые активно участвуют в гражданском обороте, отчуждаются и от использования которыми их собственники извлекают прибыль (путем монетизации от оператора онлайн-сервиса, заключения договоров на оказание рекламных услуг, также путем продвижения и продажи собственных товаров, работ и услуг, и прочих способов извлечения прибыли).

Это означает, что исследуемые объекты гражданских прав оборотоспособны, представляют имущественную ценность, соответственно, возникают вопросы о порядке наследования данных новых объектов, которые обладают своей спецификой (виртуальная форма выражения и др.).

Для целей наследования следует установить особенности онлайн-аккаунтов в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», исследовать понятие и сущность «аккаунта» как объекта гражданских прав.

Слово «аккаунт» происходит из английского языка «account» и означает «учетную запись». В информационно-телекоммуникационной среде аккаунтом принято считать учетную запись, содержащую данные о пользователе, включая его персональные данные, где пользователь может управлять, наполнять информацией, удалять и иными способами пользоваться своей учетной записью и хранящейся в ней информацией в виртуальном пространстве. Важно, что учетная запись имеет место не только на серверах операторов социальных сетей, но и также в таких мультимедийных продуктах как компьютерные онлайн-игры, где учетная запись пользователя-игрока может иметь имущественную ценность.

Об актуальности и дискуссионности вопроса наследования онлайн-аккаунтов пользователей отмечает один из ведущих российских экспертов в области цифрового

права и права интеллектуальной собственности М.А.Рожкова, по мнению которой, онлайн-аккаунты пользователей следует рассматривать как объект субъективных гражданских прав, а именно, как виртуальное имущество, обладающее экономической ценностью и относящееся к понятию «имущество», закрепленное в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹.

Автором Е.Е. Кирсановой предложено ввести в юридическую науку понятие «аккаунта» как самостоятельного виртуального объекта, под которым следует понимать «учетную запись пользователя в информационной системе, содержащую идентифицирующую и (или) контактную информацию о нем, а также дополнительные данные, в зависимости от свойств информационной системы и целей обработки данных (например, историю покупок, информацию об активности в интернет-сети и т.д.)» [1, с. 10].

При этом, тем же автором отмечается, что «аккаунт может рассматриваться в качестве одного из составляющих элементов цифровой личности, созданной пользователем самостоятельно или администратором такой системы для пользователя. Аккаунт как комплексный объект, содержащий в том числе персональные данные или иную охраняемую законодательством тайну, требует правового регулирования определения границ допустимого использования и распоряжения таким образом, чтобы передача имущественных прав не затрагивала личные права граждан, являющихся владельцами аккаунтов, или третьих лиц» [1, с. 11].

Как справедливо отмечает Е.Е. Кирсанова, при правовом регулировании, в том числе наследственных правоотношений, следует учитывать личные права наследодателя как владельца аккаунта и третьих лиц - пользователей, их персональные данные и иную охраняемую тайну, предусмотренную законодательством Российской Федерации [1, с. 12].

Специалист в области наследственного права и права интеллектуальной собственности А.В. Гапанович, обращаясь в своем

¹ См.: Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 01.09.2025).

научном труде к вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях, рассматривает понятие «аккаунта» в социальных сетях с учетом удостоверяющей функции и определяет сущность данного понятия как удостоверение права пользования определенной информацией, его наполняет, а также информировании иных пользователей соответствующей социальной сети о наличии данной информации. По мнению указанного автора, аккаунт в социальных сетях с учетом его сущности, которое заключается в удостоверении права владельца пользоваться определенной информацией, не может рассматриваться как объект гражданских прав, соответственно не может наследоваться в порядке, установленном гражданским законодательством в Российской Федерации, поскольку пользовательские аккаунты не имеют материальной ценности, а лишь содержат информацию о пользователе, его переписку, а это не представляет имущественного блага.

Вместе с этим, А.В. Гапанович разграничивает понятия «аккаунт» и «виртуальное имущество», и отмечает, что виртуальное имущество может подлежать наследованию как объект гражданских прав в том случае, если оно опосредованно коммерческим аккаунтом [2, с. 40].

В целом поддерживая точку зрения А.В. Гапанович, следует отметить, что на наш взгляд, некоторые аккаунты могут представлять материальную ценность из-за наличия большого количества подписанных пользователей, при этом, не содержать фотографических, аудиовизуальных произведений или охраноспособных текстовых материалов и другое виртуальное имущество, которое имеет материальную ценность. При этом, такие аккаунты могут отчуждаться за определенную плату, где ценность будет представлять именно количество подписанных пользователей на аккаунт.

А.М. Довлатова рассматривает аккаунты в социальных сетях в качестве объектов интеллектуальной собственности (сложных или составных объектов интеллектуального права), при этом, разграничивая от цифровых прав, поскольку к цифровым правам относят токены и иные цифровые финансовые активы [3, с. 14].

Исходя из анализа правовой природы таких специфичных объектов гражданского права как аккаунты, следует выделить следующие признаки, имеющие правовое значение для наследования исследуемых объектов:

- цифровая форма материализации аккаунта, а именно, существует в виртуальной форме;

- пользователь аккаунта, как правило, идентифицируется как собственник учетной записи;

- двойственный характер объекта означает, что присутствуют признаки цифрового актива и объектов интеллектуальной собственности, и сопровождается наличием фиксации персональных данных пользователя;

- имеет имущественную ценность (действительную и потенциальную), участвует в гражданском обороте;

- одной из основных целей аккаунтов является установление пользователем социальной коммуникации в виртуальном пространстве (прежде всего, это относится к мессенджер-сервисам, социальным сетям);

- создание, использование и распоряжение аккаунтом осуществляется в условиях, установленных пользовательским соглашением, заключаемым между самим пользователем и оператором онлайн-площадки.

С учетом признаков аккаунта как объекта гражданских прав для целей наследования прав на онлайн-аккаунты в социальных сетях следует предложить классификацию исследуемых объектов на:

1. Аккаунты, имеющие действительную имущественную ценность и способные приносить доход. Такие аккаунты предполагают, что наследники пользуясь и распоряжаясь данным объектом, могут извлекать коммерческую выгоду.

2. Аккаунты, имеющие потенциальную имущественную ценность и субъективную ценность для наследников, иными словами, представляющие ценность лично для наследников наследодателя в виду семейных, родственных связей. Целью при наследовании таких аккаунтов не является извлечение прибыли, правопреемство в целях личного использования наследниками. Однако, не исключается потенциальная

возможность извлечения прибыли наследниками в будущем от использования, распоряжения такими аккаунтами.

На наш взгляд гражданско-правовая охрана, в том числе, возможность наследования и включения в наследственную массу, должна предоставляться и аккаунтам, которые имеют действительную имущественную ценность, способную приносить доход, и аккаунтам, которые представляют субъективную ценность для наследников и имеют вероятность потенциального извлечения прибыли от их использования, распоряжения в будущем.

Обращаясь к вопросу определения порядка наследования прав на аккаунты в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» следует установить, что именно включается в наследственную массу: доступ к учетной записи умершего пользователя; либо хранящиеся на сервере оператора фотографические, аудиовизуальные и иные произведения интеллектуальной деятельности умершего пользователя.

Известен случай 2015 года, где Берлинским судом рассматривался иск к социальной сети о доступе к содержанию личной страницы умершего пользователя. Данное судебное дело подробно описано и проанализировано в научном труде М.А. Карташова¹ Согласно данному делу истицей выступила мать 15 – летней умершей дочери. Мать обратилась в социальную сеть с заявлением о доступе к личной странице погибшей дочери. Обращение было обосновано по праву родительской опеки и наследования. Однако, оператор отказался предоставить такой доступ, указав, что это невозможно по условиям пользовательского соглашения.

В рамках указанного судебного спора Верховный суд Германии принял решение в пользу родителя умершей, и в рамках наследственных правоотношений приравнял аккаунты в социальных сетях к дневникам и письмам наследодателя.

При этом, обосновывая свою позицию, онлайн-сервис (социальная сеть) как ответчик утверждал, что «режимы наследования аналогового (материального) имущества и цифрового (электронного) имущества различаются. Передача по наследству таких вещей, каковыми являются аналоговые письма, ежедневники и иные объекты, принадлежащие наследодателю, осуществляется с содержанием этих вещей, которое является их неотъемлемой частью. В социальной сети пользователь открывает лицевой счёт у оператора телекоммуникационной связи, ведёт личную страничку и размещает информацию, фотографии, видеосюжеты, обменивается сообщениями с другими пользователями. Это содержимое (объекты), выраженное в цифровом формате и размещённое на электронном сервере оператора, сохраняется на сервере этого оператора и не хранится на электронных устройствах (носителях данных в цифровом формате) пользователя. После смерти пользователя эти объекты сохраняются на сервере оператора в неизменном виде, приобретая абсолютные свойства и памятный статус. В правовых нормах отсутствует коллизионная привязка норм, которые относят содержимое, размещённое на сервере оператора социальных сетей, к объектам вещного права. Следовательно, содержимое личной страницы пользователя социальной сети не относится к предмету регулирования вещного права»².

Стоит отметить, что операторы социальных сетей имеют возможность устанавливать в пользовательских соглашениях пределы доступа, управления, право удаления учетной записи пользователей, что также можно соотносить с признаками завещательного распоряжения, предусмотренного положениями статьи 1128 Гражданского кодекса Российской Федерации.

С одной стороны, наличие такой возможности в различных сервисах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» обеспечивает право на свободу

¹ См.: Карташов М.А. Наследование личной страницы в социальной сети после смерти пользователя в судебной практике Германии [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 24 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/24/nasledovanie_lichnoj_stranicy_v_socialnoj_seti_posle_ (дата обращения: 03.09.2025).

² См.: Карташов М.А. Наследование личной страницы в социальной сети после смерти пользователя в судебной практике Германии [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 24 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/24/nasledovanie_lichnoj_stranicy_v_socialnoj_seti_posle_ (дата обращения: 03.09.2025).

завещания в рамках ст. 1119 Гражданского кодекса Российской Федерации. С другой стороны, пределы свободы завещания, воли наследодателя на распоряжение своей учетной записью определяет каждый онлайн-сервис (оператор) отдельно. Таким образом, свобода завещания на доступ, использование и распоряжение учетной записью наследодателя ограничивается правилами пользовательского соглашения, политикой определенной оператором онлайн-сервиса.

Вместе с этим, пользователи не ограничены в возможности передавать логин и пароль от своей учетной записи доверенному лицу, которому хотели бы передать права доступа, использования учетной записью после смерти. Однако, передача информации о логине и пароле к учетной записи также имеют риски, например, недобросовестного поведения выбранного доверенного лица, либо утеря информации о логине и пароле к учетной записи, попадание такой информации к злоумышленникам.

В связи с чем, является обоснованным предложение немецких нотариусов по решению данного вопроса, которые предлагают «сохранить все пароли в виде списка на USB-накопителе. USB-накопитель блокируется главным паролем и остается у гражданина, при этом главный пароль, а также информация о том, где хранится USB-накопитель, содержится в рукописном документе, передаваемом на хранение нотариусу. Таким образом, гражданин может в любое время изменить и обновить список, содержащийся на USB-накопителе, если его главный пароль не изменен»¹.

Следует обратить внимание, также, на важный вопрос установления нотариусом принадлежности аккаунта конкретному наследодателю, что именно данный наследодатель создал аккаунт и пользовался им. Сложность заключается в том, что многие люди создают аккаунты под вымышленными именами. Псевдонимы при создании учетной записи часто практикуют игроки компьютерных игр. Установить личность пользователя и принадлежность

аккаунта наследодателю нотариус может путем направления нотариального запроса оператору онлайн-сервиса в рамках наследственного дела. Однако, ответ на нотариальный запрос информации возможен, если при создании аккаунта пользователь использовал свои личные данные, например, паспортные данные. Сложнее установить личность пользователя и принадлежность аккаунта наследодателю при отсутствии указанной информации, поскольку для включения онлайн-аккаунта в наследственную массу в рамках конкретного наследственного дела необходимо будет производить в судебном порядке.

С учетом приведенных признаков аккаунтов как объектов гражданского права, предложенной классификации аккаунтов, на наш взгляд, в наследственную массу должны включаться право доступа к учетной записи наследодателя, которое переходит в совместное владение и пользование наследников. Таким образом, наследованию подлежит не сама учетная запись как нематериальное благо, имеющее имущественную ценность, а право доступа к учетной записи наследодателя. Также, в наследственную массу должны включаться произведения интеллектуальной деятельности, хранящиеся в учетной записи на сервере оператора, это фотографические, аудиовизуальные и иные охраноспособные произведения, предусмотренные частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Наличие в учетной записи наследодателя произведений науки, литературы и искусства в электронной форме подтверждает принадлежность охраняемых произведений наследодателю, также может подтверждать дату создания того или иного произведения. При этом, установление в законе права совершения завещательного распоряжения гражданином (в целях определить самому пределы доступности своей информации, хранящихся в учётной записи) путем обращения к оператору сервиса на право доступа к своей учетной записи позволит расширить возможность выражения воли гражданина.

¹ См.: Анипенко К. Наследование аккаунта. [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2021. 22 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2021/08/22/nasledovanie_akkaunta (дата обращения: 01.09.2025).

Список литературы

1. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 27 с.
2. Гапанович А.В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. №2. С. 40-43.
3. Довлатова А.М. Правовая защита аккаунтов в социальных сетях: основные тенденции и возможности // The Scientific Heritage. 2020. №57. С. 14-17.

References

1. Kirsanova E.E. Pravovoe regulirovanie oborota prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti v cifrovoj ekonomike: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2021. 27 s.
2. Gapanovich A.V. K voprosu o nasledovanii virtual'nogo imushchestva v social'nyh setyah // Nasledstvennoe pravo. 2020. №2. S. 40-43.
3. Dovlatova A.M. Pravovaya zashchita akkauntov v social'nyh setyah: osnovnyye tendencii i vozmozhnosti // The Scientific Heritage. 2020. №57. S. 14-17.

Информация об авторе (авторах): Хазиева Гузель Булатовна, помощник нотариуса, преподаватель кафедры теории государства и права Института права УУНиТ (Россия, Республика Башкортостан, Уфа, Достоевского 131), кандидат юридических наук.

Тутукова Асель Багтжановна, помощник нотариуса г. Тюмень (Россия, Тюменская область, г. Тюмень).

Information about the author(s): Khazieva Guzel Bulatovna, assistant notary, lecturer at the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, UUNiT (Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevsky 131), candidate of legal sciences.

Tutukova Asel Bagtzhonovna, assistant notary of Tyumen (Russia, Tyumen region, Tyumen).

Статья поступила в редакцию 19.10.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 19.10.2025; approved after 30.11.2025 review; accepted for publication 20.12.2025.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Категоризация преступлений и ее уголовно-правовое значение

Д.Д. Леонтьева¹

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ системы категоризации преступлений в уголовном праве Российской Федерации. Исследуются правовые основания, критерии дифференциации и функциональное значение классификации преступлений на четыре категории. Особое внимание уделяется юридическим последствиям категоризации преступлений для квалификации деяний, индивидуализации ответственности и применения отдельных институтов уголовного права. На основе изучения современной судебной практики и доктринальных подходов выявляются проблемные аспекты действующей системы категоризации и предлагаются пути ее совершенствования.

Ключевые слова: категории преступлений, уголовное право, классификация, тяжесть преступления, уголовная ответственность, судимость, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Для цитирования: Леонтьева Д.Д. Категоризация преступлений и ее уголовно-правовое значение // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 53–57.

Original article

Categorization of crimes and its criminal law significance

D.D. Leontyeva

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

Ufa, Russian Federation

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the system of categorization of crimes in the criminal law of the Russian Federation. It examines the legal grounds, criteria for differentiation, and the functional significance of the classification of crimes into four categories. Special attention is paid to the legal consequences of categorization for the qualification of acts, individualization of responsibility, and the application of certain institutions of criminal law. Based on the study of current judicial practice and doctrinal approaches, the article identifies problematic aspects of the current categorization system and proposes ways to improve it.

Keywords: categories of crimes, criminal law, classification, severity of a crime, criminal liability, criminal record, Criminal Code of the Russian Federation.

For citation: Leontyeva D.D. Categorization of crimes and its criminal law significance // Law and Statehood. 2025. № 4 (9). P. 53–57.

Система категоризации преступлений представляет собой фундаментальный элемент современного уголовного права России, выполняющий важнейшие дифференцирующие и классифицирующие функции. Закрепленная в статье 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), эта система служит основой

для построения многих институтов уголовного права, определяя правовые последствия совершения деяний различной степени общественной опасности. Актуальность темы исследования обусловлена не только теоретической значимостью категоризации для построения системного понимания уголовного закона, но и ее исключительно

¹ Научный руководитель – И.Р. Диваева, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

важным практическим значением для правоприменительной деятельности.

Современный этап развития уголовного законодательства характеризуется постоянным реформированием, в том числе связанным с изменением санкций статей Особенной части УК РФ, что неизбежно влечет трансформацию системы категорий преступлений. Динамика общественных отношений, появление новых видов общественно опасных деяний и необходимость оптимизации уголовной политики требуют постоянного научного осмысления и анализа действующей системы категоризации. Целью настоящего исследования является всесторонний анализ юридической природы и практического значения категорий преступлений, выявление проблемных аспектов их применения в правоприменительной практике и формулирование предложений по совершенствованию соответствующих положений уголовного закона.

Основополагающим нормативным актом, устанавливающим систему категорий преступлений, является Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ¹. Статья 15 УК РФ закрепляет классификацию преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности на четыре категории: преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. Данная классификация носит иерархический характер и основана на формальных критериях, прежде всего – на виде и размере наказания.

Критерием отнесения преступления к той или иной категории выступает максимальное наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Для преступлений небольшой тяжести таким критерием является умышленное или неосторожное деяние, за совершение которого максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы. Преступления средней тяжести включают умышленные деяния с максимальным наказанием не более пяти лет лишения свободы и неосторожные деяния с наказанием

не превышающие десяти лет. Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, максимальное наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы, а неосторожные деяния, максимальное наказание за которое не превышает пятнадцати лет лишения свободы. Наконец, особо тяжкими преступлениями являются исключительно умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

Важно отметить, что категория преступления определяется именно максимальным пределом санкции, а не фактически назначенным наказанием. Это положение имеет принципиальное значение для квалификации деяния на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства. Как справедливо отмечает С.В. Максимов, «формальный критерий в виде верхнего предела санкции создаст четкие и объективные ориентиры для правоприменителя, минимизируя субъективный произвол при категоризации преступлений» [1, с. 43]. Вместе с тем, данный подход порождает и определенные проблемы, связанные с динамизмом уголовного законодательства, когда изменение санкции одной статьи может повлечь изменение категории значительного числа преступлений.

Система категорий преступлений выполняет в уголовном праве ряд важнейших функций, пронизывая практически все институты Общей части УК РФ. Прежде всего, категоризация служит основой для дифференциации уголовной ответственности. От категории преступления зависит возможность применения таких институтов, как освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, назначение наказания ниже низшего предела, применение условного осуждения и отсрочки отбывания наказания.

Существенное значение категория преступления имеет для определения рецидива преступлений. В соответствии со статьей

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст.2954.

18 УК РФ, рецидив признается опасным или особо опасным в зависимости от категорий ранее совершенных и вновь совершаемых преступлений. Этот фактор влияет на назначение наказания, вид исправительного учреждения и иные правовые последствия. Институт судимости также тесно связан с категоризацией преступлений, поскольку сроки погашения судимости напрямую зависят от тяжести совершенного преступления.

Категория преступления играет важную роль в вопросах назначения наказания. Совершение преступления определенной категории может рассматриваться как отягчающее или смягчающее обстоятельство при индивидуализации наказания. Кроме того, от категории преступления зависит применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера. Как отмечает А.Р. Князев, «категоризация преступлений создает системный каркас для всего уголовного закона, обеспечивая соразмерность и справедливость уголовно-правового воздействия» [2, с. 78].

От категории преступления зависят также вопросы уголовной ответственности за неоконченное преступление, соучастие в преступлении, назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров. Таким образом, система категорий преступлений выполняет не только классификационную, но и важнейшую регулятивную функцию в механизме уголовно-правового регулирования.

Несмотря на внешнюю простоту и ясность критериев категоризации, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблемных ситуаций, требующих доктринального осмысления и законодательного регулирования. Одной из таких проблем является определение категории преступления при квалификации по совокупности статей или при идеальной совокупности преступлений. В данном случае правоприменитель сталкивается с необходимостью определения категории каждого

из вменяемых преступлений, что имеет значение для решения вопросов о виде рецидива, назначении наказания и других правовых последствиях.

Серьезную проблему представляет определение категории преступления при его неоконченной стадии. В соответствии с частью 3 статьи 29 УК РФ, уголовная ответственность наступает за приготовление к преступлению только в случае, если это тяжкое или особо тяжкое преступление. Однако категория приготовления определяется исходя из санкции статьи за оконченное преступление, что создает определенный правовой парадокс. Аналогичные сложности возникают при квалификации покушения на преступление, где категория также определяется по санкции за оконченное преступление, но с учетом правил назначения наказания за неоконченное преступление.

Дискуссионным остается вопрос о категоризации преступлений с альтернативными санкциями, где наряду с лишением свободы предусмотрены иные виды наказаний. Судебная практика исходит из того, что в таком случае категория преступления определяется по наиболее строгому виду наказания. Однако это может приводить к корреляции описания различных вариантов общественно-опасного поведения. Как указывается в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, «при наличии в санкции статьи альтернативных видов наказания категория преступления определяется исходя из максимального срока наиболее строгого вида наказания»¹.

Особую сложность представляет динамизм уголовного законодательства, когда изменение санкций статей Особенной части УК РФ влечет изменение категорий уже совершенных преступлений. Это имеет важное значение для решения вопросов об обратной силе уголовного закона, определении рецидива преступлений и погашения судимости. В соответствии с частью 2 статьи 10 УК РФ, если новый уголовный закон улучшает положение лица, отбывающего наказание, то он подлежит

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2024 год; утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 марта 2024 г. [Электронный ресурс:] <https://vsrf.ru/lk/practice/obzory-sudebnoy-praktiki>. (дата обращения: 26.10.2025).

применению. Это касается и случаев, когда изменение санкции повлекло изменение категории преступления на менее тяжкую.

Современное состояние системы категоризации преступлений требует определенной корректировки для повышения ее эффективности и адекватности потребностям правоприменительной практики. В научной литературе высказываются предложения о необходимости расширения системы категорий за счет введения дополнительных, промежуточных категорий, что позволило бы более тонко дифференцировать уголовную ответственность и точнее отражать степень общественной опасности различных деяний.

Перспективным направлением развития представляется уточнение критериев категоризации для преступлений с альтернативными санкциями. Целесообразно рассмотреть возможность определения категории преступлений не только по максимальному сроку лишения свободы, но и с учетом характера и степени общественной опасности конкретного деяния, что потребует более гибкого подхода в правоприменении. Как отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, «система категорий преступлений должна быть достаточно гибкой, чтобы адекватно реагировать на изменения социальной реальности и потребностей практики» [3, с. 112].

Важным шагом в совершенствовании системы категоризации могло бы стать законодательное закрепление правил определения категории преступления для сложных составов, включающих квалифицирующие признаки различной тяжести. Это позволило бы унифицировать практику и избежать противоречий при квалификации. Кроме того, требует решения вопрос о категоризации делящихся и продолжаемых преступлений, где момент окончания преступления может влиять на определение его категории в случае изменения уголовного закона.

Определенные перспективы связаны с развитием электронных правовых ресурсов и систем автоматизированного правового анализа. Как сообщается на офици-

альном портале правовой информации, «внедрение цифровых технологий в правоприменительную деятельность создает новые возможности для оперативного определения категорий преступлений и отслеживания их изменений»¹. Создание единой базы данных с автоматизированным определением категорий преступлений могло бы существенно облегчить работу правоприменителей и обеспечить единообразие практики.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что система категоризации преступлений представляет собой сложный и многогранный институт уголовного права, имеющий фундаментальное значение для построения многих других институтов и норм. Установленные статьей 15 УК РФ четыре категории преступлений, дифференцированные по формальному критерию максимального наказания, создают основу для дифференциации уголовной ответственности, индивидуализации наказания и решения многочисленных вопросов уголовно-правового характера.

Функциональное значение категоризации простирается далеко за рамки простой классификации, оказывая непосредственное влияние на применение ключевых институтов Общей части УК РФ, включая рецидив, судимость, освобождение от уголовной ответственности и наказания, назначение наказания несовершеннолетним и многие другие. Вместе с тем, действующая система категоризации не лишена определенных недостатков и проблемных аспектов, которые проявляются в правоприменительной практике, особенно в случаях с альтернативными санкциями, неоконченными преступлениями и при динамике уголовного законодательства.

Дальнейшее совершенствование системы категоризации преступлений должно быть направлено на повышение ее гибкости и адекватности, возможно, через введение дополнительных категорий, уточнение критериев для сложных составов и развитие электронных систем правового анализа. Эволюция системы категоризации будет способствовать более точной и справедли-

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. Новости законодательства. [Электронный ресурс:] <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.10.2025).

вой дифференциации уголовной ответственности, что соответствует общим тенденциям гуманизации и оптимизации современного уголовного права России, о чем свидетельствует и современная уголовно-правовая политика государства [4, с. 34].

Список литературы

1. Максимов С.В. Система категорий преступлений в уголовном праве России: теоретические и практические проблемы // Уголовное право. 2024. № 2. С. 43–49.
3. Князев А.Р. Категоризация преступлений и ее значение для дифференциации уголовной ответственности: монография / А.Р. Князев. – М.: Юрлитинформ, 2024. 215 с.
3. Иногамова-Хегай Л.В. Современные проблемы категоризации преступлений в уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 108–115.
4. Боровиков В.Б. Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства России // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 34–42.

References

1. Maksimov S.V. The System of Categories of Crimes in Russian Criminal Law: Theoretical and Practical Issues // Criminal Law. 2024. No. 2. Pp. 43–49.
3. Knyazev A.R. Categorization of Crimes and Its Significance for the Differentiation of Criminal Responsibility: A Monograph / A.R. Knyazev. Moscow: Yurlitinform, 2024. 215 p.
3. Inogamova-Khegay L.V. Modern Problems of Crime Categorization in Criminal Law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. Pp. 108–115.
4. Borovikov V.B. Current Issues of the Reform of Russian Criminal Legislation // Journal of Russian Law. 2024. No. 5. Pp. 34–42.

Информация об авторе (авторах): Леонтьева Дарья Дмитриевна, курсант Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Leontieva Daria Dmitrievna, cadet at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Ufa, Russia, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 03.10.2025; approved after 21.11.2025; review; accepted for publication 20.12.2025.

Отмывание денег через электронные платежные системы

В.И. Карагодина¹

*Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы отмывания денежных средств через электронные платежные системы. Указывается на необходимость усиления борьбы с преступностью в криптомире. По мнению автора требует совершенствования система блокчейн. Рассматриваются основные положения работы блокчейн, предложения по внедрению прозрачной работы этой системы. Кроме того, изучены и выявлены основные виды криптопреступлений и показаны их характеристики, способы их устранения.

Ключевые слова: криптомир, криптоэкосистема, электронные платежные системы, криптовалюта, блокчейн.

Для цитирования: Карагодина В.И. Отмывание денег через электронные платежные системы // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 58–60.

Original article

Money laundering through electronic payment systems

V.I. Karagodina

*Ufa Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the problems of money laundering through electronic payment systems, the increase in crime in the crypto world and in the blockchain system. It examines the main principles of blockchain operation and proposes ways to implement a transparent system. Additionally, the article explores the main types of crypto crimes and their characteristics, as well as methods to address them.

Keywords: crypto world, crypto ecosystem, electronic payment systems, cryptocurrency, blockchain.

For citation: Karagodina V.I. Money laundering through electronic payment systems // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 58–60.

Проблема отмывания денежных средств легализованным способом была и будет актуальной проблемой современности. Однако мир не стоит на месте, а находится в непрерывном движении. Глобальные изменения, новые условия жизни подвигли на совершение финансовых преступлений через программы электронной платежной системы. Но и эта проблема не является столь масштабной и всеобъемлющей как криптовалюта.

В общественном мнении понятие криптовалюта ассоциируется с различными положительными и отрицательными аспектами. Контент-анализ информацион-

ных источников в сети интернет показывает, что слово «криптовалюта» в большинстве случаев люди ассоциируют с показателем успеха. Такое ложное правопонимание не идет в пользу противодействия преступлениям, связанным с отмыванием денежных средств. Общественная опасность операций, связанных с отмыванием денег заключается в том, что такие операции ослабляют национальные и глобальные финансовые системы. Блокчейн развил свою экосистему, уникальную по сочетанию качеств и свойств, что позволяет в некотором роде пренебрегать правилами данного криптомира [2, с. 136]. Поскольку в криптомире

¹ Научный руководитель – Ф.Ф. Набиев, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

нет понятия даже принципа идентификации личности. Здесь все операции совершаются анонимно, не ограничиваясь местным уровнем, локальными данными, что как результат становится не просто миром, где безопасно совершались финансовые операции, а пространством, где на благоприятных условиях развивается преступность.

В данной статье рассмотрены виды преступлений, которые выступают «благоприятной нишей» для отмывания денег в экосистеме «криптомир». По некоторым данным однако требующим проверки к концу 2 квартала 2024 года, был зафиксирован объем транзакций по отмыванию денежных средств стоимостью более чем в 681 млрд долларов. Так называемое «ловирование» криптовалюты заключается в том что преступники совершают противоправные деяния по сокрытию происхождения денежных средств. Это означает, что деньги получают незаконным путем, посредством транзакций их через криптовалютные каналы. При чем для ухода от уголовной ответственности деньги стараются перемещать с одного адреса на другой с тем, чтобы усложнить отслеживание перемещения денежных средств и как бы легализовать их.

Для определения масштабности криптопреступлений по отмыванию денег, необходимо обратиться к мнению аналитиков. К концу июля 2024 года общая сумма крупных краж, взломов и конечно же мошенничества с криптовалютой составила ни много ни мало 681 млн долларов (данные получены из AML – исследовательский центр по криптовалютной преступности и отмыванию денег). Исследования подтверждают тот факт, что уровень отмывания денежных средств и развитие криптопреступлений неуклонно растет. В этот же зафиксированный период заработок преступников, полученные с DeFi¹ побил все рекорды.

Рассмотрим статистические данные за указанный ранее период. По оценке экспертов, общая сумма взломов, связанных с DeFi составила 361 млн долларов, что в 2,7 раз больше, чем за предшествующий 2023 год. По статистическим данным, уро-

вень DeFi мошенничества в начале года составил 15%, что в процессе изучения за 2023 год поднялся до 67% [3]. Прогнозировать и подводить предварительные итоги за текущий год относительно рано, так как их динамика нестабильна, но неуклонно растет. Стоит обратить внимание и на такой немаловажный аспект, что за прошедшие 3 года на биржи отправлено около 100 млрд долларов «грязной» криптовалюты, которая связана с незаконной деятельностью, а именно отмыванием денег. Chainalysis [3] выявила, что основная незаконная деятельность связана с криптовалютой, даркнетом, мошенничеством, вредоносными программами обеспечения сосредоточена на 5 крупнейших биржах.

К сожалению, в целях сохранения конфиденциальности аналитики не указывают названия конкретных платформ.

Как отмечается в отчете Chainalysis «преступники обращаются к централизованным биржам для отмывания денег из-за их высокой ликвидности, простоты конвертации криптовалюты в фиат и интеграции с традиционными финансовыми сервисами, которые помогают смешивать незаконные средства с законной деятельностью» [1].

Стоит отметить, что преступники прибегают к использованию процедуры «знай своего человека» [4, с. 128], то есть промежуточного адреса на биржах для сокрытия процесса образования и происхождения средств криптовалюты через «подставных» формально легальных официальных организаций путем «прогона».

Рассмотрим самые распространенные виды преступлений:

- флэш-кредиты или мгновенные займы. Пользуясь неограниченным количеством заемных средств преступники на полученные денежные средства приобретают неограниченное количество цифровых активов на неопределенный срок. Самое интересное: отсутствие КУС – проверки усложняет, а порой и затрудняет процесс установления преступников и совершенных преступлений.

- программа вымогатель. Вредоносное программное обеспечение устанавливает-

¹ DeFi – децентрализованные финансовые приложения.

ся на компьютере жертвы либо на другом устройстве, которое имеет определенное значение в деятельности жертвы. После чего злоумышленник шифрует файлы на устройстве, для дешифрования необходимо получить ключ, он находится у злоумышленника. Для дешифрования необходимо заплатить определенную сумму денежных средств. Но данный способ не является единственным средством излечения финансовых активов. Подобная акция может повторяться неоднократно.

- «Правило путешествий» - исключение возможных шлюзов и дыр в системе,

с целью его защиты. Совершаются санкционированные кибератаки для определения и установления соответствующей защиты.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что криптомир постоянно находится на стадии развития и модернизации. При выработке определенных ограничений в одном блоке криптопреступления, возникает другой, совершенно иной блок преступлений. Как отмечают аналитики, для уменьшения факта совершения криптопреступлений необходимо применить колоссальные усилия для приведения отношений к прозрачному виду блокчейн.

Список литературы

1. «Грязь» на \$100 млрд. Что изменилось в отмывании денег через криптовалюту // РосБизнесКонсалтинг. 2024. 12 июл.
2. Пещеров А.И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств // Юридическая мысль. Т. 95. № 3. С. 130-138.
3. Follow the Money. Swift Report, 2020. 24 p.
4. Уголовное право. Общая часть : Курс лекций в 2-х частях / И. Р. Диваева, Т. В. Николаева, Б. З. Маликов [и др.]. Том Часть 1. – Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 232 с.

References

1. «Gryaz'» na \$100 mlrd. Shto izmenilos' v otmyvanii deneg cherez kriptovalyutu // RosBiznesKonsalting. 2024. 12 iyul.
2. Peshherov A.I. Ponyatie i mesto kriptovalyuty` v sisteme denezhny`x sredstv // Yuridicheskaya my`sl`. T. 95. № 3. S. 130-138.
3. Follow the Money. Swift Report, 2020. 24 p.
4. Ugolovnoe pravo. Obshhaya chast` : Kurs lekciy v 2-x chastyax / I. R. Divaeva, T. V. Nikolaeva, B. Z. Malikov [i dr.]. Tom Chast` 1. – Ufa : Ufimskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2022. – 232 s.

Информация об авторе (авторах): Карагодина Виктория Ивановна, курсант Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муksiнова, 2).

Information about the author(s): Karagodina Viktoria Ivanovna, cadet Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 16.10.2025; approved after 26.11.2025 review; accepted for publication 20.12.2025.

Научная статья
УДК 343.653
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011

Сбалансированная цифровизация уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков

С.С. Шевелева¹

Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
sofi Ashevel24@gmail.com

Аннотация. Процесс цифровизации уголовного судопроизводства носит лавинообразный и зачастую стихийный характер, что актуализирует потребность в его системном научном осмыслении. Целью статьи является идентификация латентных рисков технологической трансформации, выходящих за рамки очевидных преимуществ. В фокусе исследования – проблемы процессуальной легитимации цифровых доказательств, сохранения гарантий прав личности и минимизации судебных ошибок в условиях цифровой среды. На основе комплексного применения сравнительно-правового и структурно-функционального методов автором проанализирован диссонанс между динамичным развитием технологий и инерционностью правового регулирования. Результатом работы стала разработка вопроса сбалансированной цифровизации, предполагающей дифференцированные критерии допустимости технологий на различных стадиях уголовного процесса. Сформулированные предложения направлены на формирование антифрагментарной законодательной модели, обеспечивающей как эффективность, так и справедливость правосудия.

Ключевые слова: цифровая трансформация, уголовное судопроизводство, электронные доказательства, искусственный интеллект, право, видеоконференц-связь, сбалансированная цифровизация, процессуальные гарантии, технологические риски, уголовно-процессуальная форма.

Для цитирования: Шевелева С.С. Сбалансированная цифровизация уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 61–64.

Original article

Balanced digitalization of criminal legal proceedings: eligibility criteria and minimizing latent risks

S.S. Sheveleva

Ufa Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
sofi Ashevel24@gmail.com

Abstract. The process of digitalization of criminal proceedings is avalanche-like and often spontaneous, which makes it necessary to systemically analyze it. The purpose of this article is to identify the latent risks of technological transformation that go beyond the obvious benefits. The focus of the research is on the problems of procedural legitimization of digital evidence, preserving the rights of individuals, and minimizing judicial errors in a digital environment. Based on a comprehensive application of comparative legal and structural-functional methods, the author analyzes the dissonance between the dynamic development of technology and the inertia of legal regulation. The result of the work was the development of a concept of balanced digitalization, which involves differentiated criteria for the permissibility of technologies at various stages of the criminal process. The formulated proposals are aimed at creating an anti-fragmented legislative model that ensures both the efficiency and fairness of justice.

Keywords: digital transformation, criminal proceedings, electronic evidence, artificial intelligence, law, videoconferencing, balanced digitalization, procedural guarantees, technological risks, criminal procedure form.

For citation: Sheveleva S.S. Balanced digitalization of criminal legal proceedings: eligibility criteria and minimizing latent risks // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 61–64.

¹ Научный руководитель – А.Р. Нугуманов, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Современный этап развития социума ознаменован стремительной цифровой трансформацией, оказывающей глубинное воздействие на все институты публичной сферы, включая правоприменительную деятельность¹. Уголовный процесс, являясь одной из наиболее консервативных и формализованных отраслей права, сталкивается с объективной необходимостью адаптации к новым технологическим реалиям. Однако данный процесс носит амбивалентный характер: наряду с транзитивными преимуществами в виде повышения операционной эффективности, доступности правосудия и оптимизации рутинных процедур, он генерирует комплекс уникальных вызовов, связанных с «эрозией» гарантий прав личности, сохранением сущностных начал уголовного процесса и проблемой «человеческого измерения» правосудия². Целью настоящего исследования является идентификация системных латентных рисков технологической трансформации, выходящих за рамки очевидных преимуществ, и разработка на этой основе концепции сбалансированной цифровизации.

Теоретической основой сбалансированной цифровизации уголовного процесса являются труды ведущих отечественных и зарубежных процессуалистов, посвященные проблематике технологической эволюции права (Л.А. Воскобитовой [1], Л.В. Головки [2], Л.Н. Масленниковой, Р. Саскинда [4] и др.). Методологической основой данного исследования являются диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический и структурно-функциональный методы, которые позволили осуществить многомерное исследование трансформации уголовно-процессуальных отношений в контексте инкорпорации цифровых технологий.

Основные векторы цифровизации и сопутствующие системные риски. Декомпозиция современной правоприменительной практики позволяет верифицировать три ключевых направления цифровизации уголовного судопроизводства, каждое из которых порождает специфические риски:

1. Оптимизация рутинных процедур. Данный вектор включает внедрение систем электронного документооборота, видеоконференц-связи (ВКС), автоматизированного распределения дел и смс-оповещения участников процесса [5, с.97]. Пандемия COVID-19 выступила мощным экзогенным шоком, ускорившим данное направление и доказавшим его операционную значимость. Вместе с тем, фрагментарность и реактивный характер правового регулирования (наглядно проявляющиеся в сфере использования ВКС) создают прямые угрозы нарушению фундаментальных процессуальных гарантий, в частности, состязательности и права на эффективную защиту [1, с. 95].

2. Трансформация модели доказывания. Интенсификация использования цифровых доказательств (аудио и видеозаписей, данных с электронных носителей, метаданных) инициирует парадигмальный сдвиг, требующий пересмотра классических подходов к их оценке, верификации допустимости и обеспечению аутентичности [2, с. 112]. Цифровые артефакты, в отличие от традиционных вещественных доказательств, обладают повышенной уязвимостью к модификациям и требуют разработки новых криминалистических методик, а также специальных знаний от правоприменителей [3, с. 204]. В данном контексте институционально перспективным видится создание в структуре Министерства юстиции РФ специализированного ведомства, ответственного за методологический контроль надежности, целостности и долгосрочной сохранности электронных доказательств.

3. Внедрение элементов искусственного интеллекта (ИИ). Дискуссии о применении предиктивных алгоритмов и систем поддержки принятия решений (по аналогии с зарубежными системами, подобными COMPAS) для прогнозирования судебных решений, оценки рисков рецидива или криминального профилирования носят острый характер [4, с. 145]. Ключевым имманентным ограничением здесь выступает неспо-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

способность ИИ оперировать экзистенциально-оценочными категориями, такими как «внутреннее убеждение», «справедливость» и «совесть», конституирующими антропологическую основу уголовного процесса. Гипотетическая замена судьи-человека «роботом-судьей» методологически неприемлема, так как неминуемо ведет к редукции правосудия, к формализованной процедуре и утрате его нравственно-гуманистической составляющей¹.

Синтез выявленных рисков позволяет сформулировать систему критериев, которым должен соответствовать процесс внедрения цифровых технологий в уголовный процесс [7] для достижения баланса между эффективностью и справедливостью:

1. Принцип subsidiarity технологий. Цифровой инструментарий должен дополнять, а не подменять собой традиционные процедуры, работая на реализацию назначения уголовного судопроизводства – защиту прав и законных интересов личности.

2. Принцип альтернативности и согласия. Использование цифровых инструментов (например, ВКС) должно носить факультативный характер, не исключая возможность очного участия в процессе, когда это необходимо для установления объективной истины и обеспечения права на личное участие.

3. Принцип сохранения человеческого суверенитета в принятии решений. Принятие итоговых решений по делу, особенно связанных с оценкой доказательств по вну-

треннему убеждению и назначением наказания, должно оставаться исключительной прерогативой судьи, обладающего эмоциональным интеллектом и жизненным опытом [6, с. 35].

4. Принцип антифрагментарного регулирования. Необходим переход от точечных упоминаний технологий в УПК РФ к созданию целостных, системных процессуальных регуляторов для каждого цифрового института, обеспечивающих сквозные процедурные гарантии.

Цифровизация уголовного судопроизводства – это объективный и необратимый процесс, обладающий значительным позитивным потенциалом. Однако его стихийный, нерелексированный характер таит в себе системные угрозы для фундаментальных принципов правосудия. Вектор развития должен быть направлен не на тотальную замену традиционных процедур, а на их разумное дополнение и оптимизацию. Стратегической целью является формирование сбалансированной модели цифровизации, при которой технологический прогресс не подрывает, а усиливает гарантии справедливого и гуманного судебного разбирательства. Достижение этой цели требует не точечных изменений, а системной модернизации уголовно-процессуального законодательства, основанной на глубоком анализе латентных рисков и последовательной реализации предложенных критериев, учитывающих уникальную социально-нравственную природу уголовного процесса.

Список использованной литературы:

1. Воскобитова Л.А. Цифровизация уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы уголовного процесса современной России: сб. статей. – М.: Проспект, 2019. – С. 90–105.
2. Головкин Л.В. Доказательства в цифровую эпоху: сравнительно-правовое исследование. – М.: Статут, 2019. – 256 с.
3. Масленникова Л.Н. Доступ к правосудию в цифровую эпоху: трансформация уголовно-процессуальной формы. – М.: РГ-Пресс, 2020. – 318 с.
4. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 298 p.
5. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное правосудие: от автоматизации процедур к трансформации процесса // Закон. – 2015. – № 9. – С. 94–102.
6. Морхат П.М. Эмоциональная компетентность судьи в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020. – 215 с.

¹ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (принята Европейской комиссией по эффективности правосудия (СЕРЕЈ) 03-04.12.2018) // Официальный сайт Совета Европы. – URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-ru-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения: 13.11.2025).

7. Хасанова, З. И. Особенности процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 68-72.

References

1. Voskobitova L.A. Cifrovizaciya ugovolnogo sudoproizvodstva: problemy` i perspektivy` // Aktual`ny`e problemy` ugovolnogo processa sovremennoj Rossii: sb. statej. – M.: Prospekt, 2019. – S. 90–105.
2. Golovko L.V. Dokazatel`stva v cifrovuyu e`poxu: sravnitel`no-pravovoe issledovanie. – M.: Statut, 2019. – 256 s.
3. Maslennikova L.N. Dostup k pravosudiyu v cifrovuyu e`poxu: transformaciya ugovolno-processual`noj formy`. – M.: RG-Press, 2020. – 318 s.
4. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 298 p.
5. Kachalova O.V., Czvetkov Yu.A. E`lektronnoe pravosudie: ot avtomatizacii procedur k transformacii processa // Zakon. – 2015. – № 9. – S. 94–102.
6. Morxat P.M. E`mocional`naya kompetentnost` sud`i v ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2020. – 215 s.
7. Khasanova, Z. I. Osobennosti processual`nogo statusa podozrevaemogo v ugovolnom sudoproizvodstve / Z. I. Khasanova // Pravo i gosudarstvennost`. – 2025. – № 3(8). – S. 68-72.

Информация об авторе (авторах): Шевелева Софья Сергеевна, курсант Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Sheveleva Sofiya Sergeevna, cadet Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 16.10.2025; approved after 26.11.2025 review; accepted for publication 20.12.2025.

Научная статья
УДК 343.34
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.9.4.012

Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в некоторых зарубежных странах

З.И. Хасанова¹

*Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Актуальность исследования обусловлена потребностью в выработке эффективных правовых механизмов защиты от дезинформации в цифровую эпоху, когда подобные действия способны дестабилизировать общественный порядок. В исследовании применяется сравнительно-правовой метод к анализу норм, устанавливающих ответственность за распространение ложной информации, угрожающей общественной безопасности, в уголовных кодексах Китая, Турции, Норвегии и Греции. Проведенное сопоставление данных норм друг с другом и со статьей 207.1. УК РФ нацелено на выявление общих тенденций, дифференциации подходов и оценку эффективности различных законодательных конструкций.

Ключевые слова: дезинформация, распространение ложной информации, угроза жизни и безопасности, общественный порядок, зарубежный опыт.

Для цитирования: Хасанова З.И. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в некоторых зарубежных странах // Право и государственность. 2025. № 4 (9). С. 65–69.

Original article

Criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens in some foreign countries

Z.I. Khasanova

*Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens. The relevance of the study is due to the need to develop effective legal mechanisms to protect against disinformation in the digital era, when such actions can destabilize public order. The study applies a comparative legal method to the analysis of norms establishing responsibility for the dissemination of false information that threatens public safety in the criminal codes of China, Turkey, Norway and Greece. The comparison of these norms with each other and with Article 207.1. of the Criminal Code of the Russian Federation is aimed at identifying general trends, differentiating approaches and assessing the effectiveness of various legislative structures.

Keywords: disinformation, dissemination of false information, threat to life and security, public order, foreign experience.

For citation: Khasanova Z.I. Criminal liability for the public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens in some foreign countries // Law and statehood. 2025. № 4 (9). P. 65–69.

¹ Научный руководитель – М.С. Шайхуллин, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Современные информационные реалии, характеризующиеся высокой скоростью и глобальным охватом распространения данных, породили новые вызовы для общественной безопасности и правопорядка. Одним из наиболее значимых рисков стало распространение ложной информации (дезинформации), способное в кратчайшие сроки вызвать массовую панику, дестабилизировать социально-экономическую ситуацию и подорвать доверие к государственным институтам. В этих условиях уголовно-правовое противодействие подобным деяниям приобретает особую актуальность, требуя выработки сбалансированных правовых механизмов, обеспечивающих защиту общественных интересов без неоправданного ограничения гарантированных свобод, таких как свобода слова. В этой связи представляется необходимым провести анализ уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в некоторых зарубежных странах.

Китайская Народная Республика (КНР) представляет собой интересный и позитивный пример законодательного подхода к данной проблеме. Изучая ее уголовное законодательство, следует отметить, что в настоящее время в данной стране создан комплекс законов, направленных на противодействие слухам.

Согласно ст. 35 Конституции КНР граждане обладают свободой слова, публикаций, собраний, ассоциаций, шествий и демонстраций. Из этого следует, что выражение и распространение мнений гарантируются как основные права граждан, и запрещаются только те высказывания, которые вредят обществу [1]. К числу таких общественно вредных деяний, выходящих за рамки конституционных гарантий, законодатель относит и распространение ложной информации в различных сферах. Уголовным законодательством Китая предусмотрены следующие виды уголовной ответственности за распространение ложной информации: по ст. 181 УК КНР за составление и распространение ложной информации, оказывающей влияние на фондовые

сделки и дестабилизирующей биржевой рынок ценных бумаг, приведшей к серьезным последствиям, по ст. 221 УК КНР за фабрикацию или распространение ложных фактов, наносящих ущерб деловой репутации или товарной репутации других лиц, причинивших крупный ущерб другим лицам или имеющие другие серьезные обстоятельства, по ст. 246 УК КНР за публичное оскорбление или клевету с применением насилия или иных методов, либо фальсификация фактов в целях очернения другого человека, при отягчающих обстоятельствах, по ст. 433 УК КНР за введение народных масс в заблуждение путем распространения клеветнических измышлений в военное время, разлагающее моральный дух армии.

Объектом более детального анализа выступает ст. 291-1 Уголовного кодекса КНР, представляющая собой норму, направленную на криминализацию деяний, дестабилизирующих общественный порядок посредством злонамеренного информационного воздействия. Данная статья структурно дифференцирована и охватывает два состава, образующих единый охранительный механизм [2].

Первый состав (1 абзац ст. 291-1 УК КНР) криминализирует действия, выражающиеся в сообщении о ложном размещении взрывчатых, токсичных, радиоактивных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний и других веществ, либо фабрикацию террористической информации (такой как угрозы взрыва, биохимические, радиационные угрозы), или умышленное распространение подобной сфабрикованной информации, серьезно нарушающее общественный порядок.

Согласно второму составу (часть 2 ст. 291-1 УК КНР) уголовной ответственности подлежат те, кто фабрикует информацию о ложных опасных ситуациях, эпидемиях, стихийных бедствиях или действиях правоохранительных органов и распространяет ее в информационных сетях или других средствах массовой информации, либо умышленно распространяет такую ложную информацию, серьезно нарушая общественный порядок.

Системный анализ ст. 291-1 УК КНР позволяет сделать выводы о том, что зако-

нодатель объединил в одной статье борьбу с традиционными формами информационного терроризма (дестабилизация через угрозы насилия) и с современными социально опасными видами дезинформации, вызывающими массовую панику и недоверие к институтам власти в условиях кризиса. Криминализация деяния по факту создания угрозы общественному порядку, а не по наступлению реальных последствий, направлена на предупреждение угроз и обеспечение защиты общественного порядка от информационных угроз.

Рассматривая зарубежный опыт, можно отметить, что сходная логика защиты общественного спокойствия от деструктивного информационного воздействия прослеживается, в частности, в турецком законодательстве. Уголовный кодекс Турции содержит в себе статью ст. 217/А, предусматривающую уголовную ответственность за публичное распространение информации, вводящей общественность в заблуждение с целью вызвать беспокойство, страх или панику среди населения [3]. Как указано в обосновании криминализации данного состава преступления, анонимная среда, предоставляемая Интернетом, привела к увеличению количества ложного или манипулятивного контента [4].

Несколько иной подход к формулировке уголовной ответственности за распространение ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, представлен в Королевстве Норвегии. Так, согласно разделу 187 Уголовного кодекса Норвегии, под угрозой наказания запрещены посредством ложного сообщения, необоснованного крика о помощи, неправильного использования сигнала бедствия или аналогичных действий намеренно или по грубой небрежности: вызов полиции, пожарную службу, скорую помощь, врача или военнослужащего вооруженных сил; приведение в состояние готовности спасательно-координационных или местных спасательных центров; создание скопления большого количества людей или проявление страха среди них. Во втором абзаце данной статьи закреплено, что такое же наказание применяется к любому лицу, предоставляюще-

му ложную информацию, которая может вызвать опасения за жизнь или здоровье человека или нарушить общий мир и порядок [5]. Проводя сравнительный анализ, можно увидеть, что норвежское законодательство (ст. 187 УК Норвегии) и российская ст. 207.1. УК РФ преследуют схожую цель – защиту общественной безопасности от дезинформации, вызывающей. Однако ст. 187 УК Норвегии сформулирована шире и включает любую ложную информацию, которая может вызвать опасения за жизнь/здоровье человека или нарушить общий мир и порядок, а также криминализирует ложный вызов конкретных служб. При рассмотрении субъектной стороны деяния, следует отметить, что она предусматривает ответственность также и за грубую небрежность, что является отличительной чертой по сравнению с предусмотренной только умышленной формой вины в ст. 207.1. УК РФ.

Схожее деяние криминализовано и в Уголовном кодексе Греции, где ст. 191 запрещено распространение любыми способами ложной информации или слухов, способных вызвать беспокойство или страх среди граждан, подорвать доверие общества (в государству), подорвать доверие населения к национальной валюте или вооруженным силам страны или вызвать возмущение в международных отношениях страны [6]. Как представляется, круг общественных отношений, охраняемых ст. 191 УК Греции, представляется более широким, поскольку включает в себя наряду с безопасностью личности и общества (как в ст. 207.1. УК РФ) также отношения, обеспечивающие доверие граждан к финансовой системе, вооруженным силам и институтам здравоохранения, что в совокупности охраняет фундаментальные основы государственной стабильности и общественного спокойствия. При этом следует отметить, что в данной статье наказание зависит от формы вины совершения преступления: за умышленные – тюремное заключение на срок до 3 лет и денежное взыскание; по неосторожности – тюремное заключение на срок до 1 года и денежное взыскание.

Проведенный сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за пу-

бличное распространение заведомо ложной информации, представляющей угрозу общественной безопасности, в ряде зарубежных стран позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, выявлена общая для всех рассмотренных правопорядков превентивная направленность соответствующих норм. Законодательства КНР (ст. 291-1 УК), Турции (ст. 217/А УК), Норвегии (§ 187 УК) и Греции (ст. 191 УК) криминализируют деяние, как правило, по факту создания реальной угрозы общественному порядку, спокойствию или безопасности, не дожидаясь наступления материальных или иных тяжких последствий. Это отражает понимание масштаба социального вреда от дезинформации в цифровую эпоху.

Во-вторых, проведенный анализ позволит выявить различные подходы к субъективной стороне преступления. Если в российском (ст. 207.1. УК РФ) и китайском законодательстве ответственность наступа-

ет только за умышленные действия, то нормы Норвегии (раздел 187 УК) и Греции (ст. 191 УК) предусматривают наказание также и за совершение деяния по грубой небрежности. Это расширяет сферу уголовно-правового воздействия, возлагая на распространителя информации повышенную обязанность по проверке ее достоверности.

В-третьих, рассмотренные зарубежные нормы показывают более широкий, по сравнению с российской ст. 207.1. УК РФ, спектр охраняемых общественных отношений. В частности, ст. 191 УК Греции защищает не только общественную безопасность, но и доверие к финансовой системе, вооруженным силам и международному авторитету государства. Раздел 187 УК Норвегии включает ложный вызов экстренных служб как способ причинения вреда. Это указывает на тенденцию к комплексной защите основ общественной стабильности от деструктивного информационного влияния.

Список литературы

1. Чэнь Цинань Концепция, путь и план криминального управления онлайн-слухами // Юридическая наука. № 3. 2024. URL: <https://ilaw.sass.org.cn/2024/0605/c2514a571271/page.htm> (дата обращения: 27.11.2025).
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. 2-е изд. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. — 312 с.
3. Уголовный кодекс Турции. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Балджи М., Чакыр К. Преступление публичного распространения информации, вводящей общественность в заблуждение (ст. 217/А УК Турции) // Anadolu Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2023. Т. 9. № 1. С. 1–17.
5. Уголовный кодекс Норвегии. URL: https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-05-20-28/** (дата обращения: 28.11.2025).
6. Уголовный кодекс Греции. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2498942_17/component/file_3529081/content (дата обращения: 28.11.2025).

References

1. Chen Qinan Concept, path and plan for criminal management of online rumors//Legal science. № 3. 2024. URL: <https://ilaw.sass.org.cn/2024/0605/c2514a571271/page.htm> (access date: 27.11.2025).
2. Criminal Code of the People's Republic of China/under the general ed. prof. A.I. Chuchaev and prof. A.I. Korobeeva, per. From Chinese prof. Huang Daoxiu. 2nd ed. - M.: LLC «LAW FIRM CONTRACT,» 2021. - 312 s.
3. Turkish Penal Code. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf> (access date: 28.11.2025).
4. Balcı M., Cakır K. Crime of public dissemination of misleading information (Article 217/A of the Criminal Code of Turkey)//Anadolu Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2023. Т. 9, NO. 1. S. 1-17.
5. Norwegian Penal Code. URL: https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2005-05-20-28/** (accessed on: 28.11.2025).
6. Greek Penal Code. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2498942_17/component/file_3529081/content (access date: 28.11.2025).

Информация об авторе (авторах): Хасанова Земфира Ильдаровна, адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Khasanova Zemfira Ildarovna, adjunct adjunct of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Ufa, Russia, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 07.12.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 17.11.2025; approved after 07.12.2025 review; accepted for publication 20.12.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Перед направлением материалов в редакцию научно-правового журнала «Право и государственность» просим Вас ознакомиться с правилами опубликования статей.

Все поступающие в редакцию материалы (научные статьи, рецензии и т. д.) проходят обязательное рецензирование, проверку системой «Антиплагиат» (уровень оригинальности статьи не должен быть менее 70%).

Автор (авторы) должны предоставлять в редакцию материалы, обладающие оригинальностью. К опубликованию не принимаются научные статьи, ранее публиковавшиеся в других изданиях или находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать выводы или предложения в рамках проведенного исследования. Статьи принимаются на русском языке.

Структура статьи.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру:

1. **Индекс УДК.** Для определения индекса УДК можно воспользоваться информационно-справочными системами, описывающими универсальную десятичную классификацию. Индекс УДК должен соответствовать специальности, по которой выполнена научная статья.

2. **Заглавие статьи:** заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю.

3. **Оформление сведений об авторе (авторах).** Ф.И.О. автора (авторов), степень, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, город, страна, e-mail (авторов). Сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. При оформлении указываются инициалы имени, отчества автора и фамилия (пример: И.А. Иванов).

4. **Аннотация и ключевые слова.** Аннотация должна быть не менее 100 слов, представлена на русском и английском языках. Ключевые слова также предоставляются на русском и английском языках, 5 – 10 слов или словосочетаний. Ключевые слова отделяются друг от друга запятой.

5. **Объем рукописи** должен составлять от 7 до 10 стр., формата А4, но не более 20 тыс. знаков.

6. **Список литературы.** На каждый источник, включенный в список литературы, должна быть дана ссылка в квадратных скобках в тексте статьи. При оформлении статьи необходимо указывать в квадратных скобках соответствующие нумерацию и страницу, на которую ссылается автор [1, с. 34–36]. При этом, в списке использованной литературы должны быть указаны все страницы источника на который ссылается автор, полные выходные данные источника.

Цитируемые в тексте нормативные правовые акты должны содержать дату принятия с указанием в скобках даты последней редакции (в ред. от ...) или изменений (с изм. от ...), а также ссылку на первоначальный официальный источник опубликования. Ссылки на справочные правовые системы СПС «Консультант», «Гарант» и др., не допускаются.

Обратите внимание! Если статья выполнена несколькими авторами, то на последней странице представленного материала должно быть указано об отсутствии у авторов научной статьи конфликта интересов. (Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).

7. **Требования к компьютерному набору:** формат А4; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; поля все 2 см; абзацный отступ 1,25 см.

- Заглавие статьи: кегль 16, заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю;

- Сведения об авторе (авторах): кегль 12, инициалы и фамилия автора полужирным шрифтом; место работы и др. сведения обычным шрифтом с выделением курсива;

- Аннотация и ключевые слова: кегль 12, объем не менее 100 и не более 200 слов;

Текст статьи: кегль 14, объем не более 20 тыс. знаков.

Список литературы и транслитерация: кегль 12, оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

8. **Таблицы (рисунки)** должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: pravoigosudarstvennost@mail.ru

9. Все аспиранты дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя.

10. Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается. Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

№ 4 (9) 2025

Подписано в печать 22.12.2025.
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 5.04.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО МедиаПринт,
450005, Российская Федерация,
г. Уфа, ул. 50 лет Октября, д. 20.

ДЛЯ ЗАПИСИ
